

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЙЕН МАКДОНАЛЬД

ДОРОГА
ЗАПУСТЕНИЯ

Звезды научной фантастики

Йен Макдональд

Дорога запустения

«Издательство АСТ»

1988

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Макдональд Й.

Дорога запустения / Й. Макдональд — «Издательство АСТ»,
1988 — (Звезды научной фантастики)

Это история города, находящегося на терраформированном Марсе. Это история скандалов и кошмаров, путешествий во времени и религиозных движений, террора и всепроникающей войны всех против всех. Это история плененных механических ангелов, музыкантов, вызывающих дождь, зеркального тахионного лабиринта, который показывает все мыслимые варианты будущего, поездов, одержимых сознанием, марсианских треножников и киберсвятых. Это история того, насколько необычной, неожиданной и всеобъемлющей может быть научная фантастика. Это самая необычная история освоения Марса из всех, что когда-либо были написаны. Это история Дороги Запустения.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

© Макдональд Й., 1988

© Издательство АСТ, 1988

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	40
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	51
Глава 17	55
Глава 18	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Йен Макдональд

Дорога запустения

*Многочисленным людям, которые помогли растить Дорогу
Запустения из пыли и праха, особенно Патрисии – архитектору,
постоянной помощнице и Первой Леди города*

Глава 1

Три дня д-р Алимонтандо гнался по пустыне за зеленым существом. Подзываемый шарнирным пальцем из турецких бобов, он переплыл пустыню красного гравия, пустыню красного камня и пустыню красного песка. И всякую ночь, когда он подбрасывал сухие щепки в костер и делал записи в журналах, всходило лунное кольцо – кувыркающаяся и блескучая вереница искусственных спутников, влекшая зеленое существо из дальних пределов пустыни ближе к костру.

В первую ночь существо явилось д-ру Алимонтандо под мелькавшими высоко в стратосфере метеорами.

– Пусти меня к твоему костру, друг, пусти к теплу, дай мне убежище, ибо я из эпохи, теплее этой. – Д-р Алимонтандо жестом пригласил существо приблизиться. Рассматривая странную голую фигуру, он не смог не спросить:

– Что ты за создание?

– Я человек, – сказала зеленое существо. Рот, губы, язык – цвета зеленой листвы. Зубы – маленькие и желтые, как зерновки кукурузы. – А что такое ты? – Я тоже человек.

– Тогда мы – одно. Расшевели костер, друг, дай мне ощутить пламя. – Д-р Алимонтандо пнул переплетение серых веток, и искры вознеслись в ночь. Помолчав, существо спросило: – Друг, есть вода?

– Есть, но я трачу ее осторожно. Кто знает, когда мне суждено пересечь эту пустыню и найду ли я воду на своем пути.

– Друг, я отведу тебя к воде завтра, если ты дашь мне флягу сейчас.

Долгое время д-р Алимонтандо сидел недвижно под кувыркающимися огнями лунного кольца. Затем отцепил одну флягу и протянул ее сквозь всполохи зеленому существу. То осушило флягу до дна. Вокруг разлился аромат свежести, как в чаше после весеннего дождя. Тогда д-р Алимонтандо уснул – и не увидел ни одного сна.

Наутро у тлеющих угольков, там, где сидело зеленое существо, был только красный камень.

На вторую ночь д-р Алимонтандо разбил лагерь, поел и сделал запись в журнале. Потом сидел, просто сидел, и каменная пустыня пьянила его беспредельностью. Он плыл, и плыл, и плыл – прочь от холмов Второзакония, прочь от пустыни красного гравия, сквозь пустыню красного камня, по территории расщелин и трещин, подобной окаменевшему мозгу, по отполированным каменным мостовым, меж выветренных пиков темного вулканического стекла, сквозь леса, каменные уже миллиард лет, по водотокам, сухим уже миллиард лет, сквозь изваянные ветром частокоты из древнего красного песчаника, по населенным духами плоскогогорьям, нырял между тонкими гранитными губами в бесконечные гулкие каньоны, хватался, выпучив глаза от ужаса, за что угодно, когда промагнитные левитаторы напрягались, удерживая ветродоску от падения. Он сбежал от долгого ветра, он плыл, и плыл, и плыл, пока небо не пробило первые уколы вечерних звезд.

Так он сидел, и раскаленные досины лазеры судорожно рябили на брюхе ветродоски, и зеленое существо явилось к нему вновь.

– Где обещанная тобой вода? – спросил д-р Алимонтандо.

– Все однажды было водой и вновь станет водой, – сказала зеленое существо. – Этот камень однажды был песком и вновь станет песком на пляже миллион лет тому вперед.

– Где обещанная тобой вода? – возопил д-р Алимонтандо.

– Пойдем со мной, друг. – Зеленое существо повело его к выемке в красной скале, туда, где в глубокой тьме журчал уединенный родник, струившийся из скальной щели в маленький черный водоем. Д-р Алимонтандо наполнил фляги, но пить не стал. Он боялся осквернить

древний уединенный родник. Зеленое существо исчезло; сквозь влажные отпечатки его ног пробивалась бледно-зеленая поросль. Тогда д-р Алимонтандо уснул – и не увидел ни единого сна.

Наутро у тлеющих угольков, там, где сидело зеленое существо, высылось сухое серое дерево.

На третью ночь после третьего дня д-р Алимонтандо, переплывавший пустыню красного песка, развел костер, разбил лагерь и утонченным, изящным почерком – сплошные петли и завитки – записал свои наблюдения и размышления в журналы с кожаными переплетами. Той ночью он ощутил усталость; переход через песчаную пустыню выжал его досуха. Поначалу д-р Алимонтандо, трепеща от радости и швыряемых ветром песчинок, бросал ветродоску на бесчисленные песчаные волны: вверх и вперед, вверх и вперед, вверх и вперед. Он седлал красный песок и синий песок, желтый песок и зеленый песок, белый песок и черный песок, волну за волной, пока волны не сломали его, не выжали досуха, не истощили видами пустыни соды, и пустыни соли, и пустыни кислоты. А за пределами этих пустынь, в месте за границей истощения, лежала пустыня застылости, где слышны далекие колокола то ли звонниц городов, что ушли под землю миллиард лет назад, то ли звонниц городов, что пока не родились и будут стоять здесь миллиард лет спустя. В сердце пустыни д-р Алимонтандо остановился, и под небом, огромным от якорных огней прибывавшего на край мира Парус-Корабля, зеленое существо явилось ему в третий раз. Оно сидело на корточках за кругом света и указательным пальцем выводило знаки в пыли.

– Кто ты? – спросил д-р Алимонтандо. – Почему являешься мне по ночам?

– Хотя мы странствуем сквозь разные измерения, я, как и ты, путешествую по этой сухо-безводности, – сказала зеленое существо.

– Поясни «разные измерения».

– Время и пространство. Ты в пространстве, я во времени.

– Как это может быть? – воскликнул д-р Алимонтандо, которого страстно интересовали время и временность. Из-за времени он был изгнан из родного дома в зеленых холмах Второзакония и заклеямен бесом, колдуном и пожирателем детей соседями, в головах которых безобидная и творческая эксцентричность д-ра Алимонтандо не вязалась с четко очерченным миром коров, дощатых домов, овец, силоса и белых оградок. – Как ты путешествуешь во времени? Я пытался понять, как это сделать, годами!

– Время – часть меня, – сказала зеленое существо, распрямляясь и почесываясь. – Я научился контролировать его, как любую другую часть тела.

– Можно ли научить такому умению?

– Тебя? Нет. Ты не того цвета. Но однажды ты, я думаю, все поймешь по-иному.

Сердце д-ра Алимонтандо екнуло.

– Что ты имеешь в виду?

– А это тебе решать. Я здесь лишь потому, что этого требует будущее.

– Твои речи для меня слишком загадочны. Скажи прямо. Терпеть не могу бессвязности.

– Я здесь, чтобы вести тебя к твоему предназначению.

– Что? Даже так?

– Если меня здесь не будет, некие цепи событий не случатся; так решили мои сородичи, поскольку им подвластны все время и все пространство, и послали меня вести тебя к твоему предназначению.

– Говори яснее, прошу! – закричал д-р Алимонтандо, отличавшийся вспыльчивостью. Но зарябили всполохи от костра, и мигнули в свете скрывшегося солнца завесившие небо паруса корабля Президиума, и зеленое существо исчезло. Д-р Алимонтандо ждал под ветродоской, ждал, пока огонь не умер в раскаленных угольках. Потом, осознав, что этой ночью зеленое существо не вернется, он уснул и увидел стальной сон. В этом сне титанические машины цвета

ржавчины сдирали с пустыни кожу и откладывали железные яйца в ее нежную плоть. Из яиц выплывали извивающиеся металлические личинки, жаждущие гематита, магнетита и рудных почек. Стальные черви строили себе высоченное гнездо из печей и труб, город сочащегося дыма и свистящего пара, зычных молотов и летучих искр, рек белой расплавленной стали и мясистых белых рабочих дронов, что прислуживали червям.

Наутро д-р Алимонтандо проснулся и понял, что ночной ветер покрыл ветродоску песком. Там, где на границе света сидело на корточках зеленое существо, лежал расколотый кусок малахита.

Ветер усиливался и уносил доску прочь от сердца пустыни. Д-р Алимонтандо вдыхал винно-терпкий воздух, слушал скрип ветра в парусах и шепот песка, что летел в потоке ветра впереди. Пот испарялся с кожи, соляные ожоги гравировали лицо и руки.

Он плыл, и плыл, и плыл все утро. Солнце достигло зенита, когда д-р Алимонтандо увидел свой первый и последний мираж. Нить чистого, сверкающего серебра пробежала прямоком сквозь размышления о времени и его странниках: чистейшее, ярко сверкающее серебро текло с востока на запад над грядой низких утесов, словно отмечающих границу пустыни песка. Подплыв ближе, д-р Алимонтандо различил в серебряном блеске темные тени и отраженное зеленое свечение – будто там, внизу, могло расти что-то зеленое.

Выходка иссушенного разума, сказал он себе, волоча ветродоску вверх по едва намеченной тропе, через испещренные пещерами утесы; однако, достигнув конечной точки восхождения, понял, что это не выходка иссушенного разума и не мираж. Зеленоватое свечение – и правда свечение росшей вокруг зелени, тень – силуэт примечательно обнаженной скалы, которую коронует оперенная антеннами башня сверхвысокочастотного ретранслятора, а серебряная линия – линия и есть: это рельсы стандартной железнодорожной колеи, поймавшие солнце.

Д-р Алимонтандо прогулялся по зеленому оазису, вспоминая, как зелень пахнет, как зелень выглядит, как зелень ощущается под ногами. Посидел, вслушиваясь в журчание каскадной системы ирригационных канавок и невозмутимые всхлипы и скрипы ветряных насосов, извлекавших влагу из подземного водоносного слоя. Д-р Алимонтандо набрал бананов, инжира, гранатов и угрюмо отобедал в тени трехгранного тополя. Он радовался тому, что достиг границы суровых пустынь, но духовный ветер, несший его через разделенный ландшафт, в нем выдохся. Солнышко освещало жужжащий по-пчелиному оазис, и д-р Алимонтандо соскользнул в ленивую уютную сиесту.

Неопределенное время спустя он проснулся от ожегшего щеку гравия. Какой-то миг, не открывая глаз, охвачен негой, ничего не понимал. Осознание ударило как гвоздь, вбитый между глаз. Он резко сел и выпрямил позвоночник, пронзенный молнией чистого ужаса.

Забывшись, он не закрепил ветродоску.

Подгоняемая нарастающим ветром, незакрепленная ветродоска бешено прыгала по сухой плоскости. Беспомощно д-р Алимонтандо глядел, как единственное средство передвижения уплывает от него по Высоким Равнинам. Глядел до тех пор, пока салатовый парус не исчез пятнышком цветовой слепоты на горизонте. Несколько долгих глупых минут он стоял, пытаясь придумать, что теперь делать, но в голове вертелась только глумливая скачущая ветродоска. Он утратил свое предназначение, дал ему улететь по ветру. Этой ночью зеленое существо выйдет из времени, чтобы с ним поговорить, но его там не будет: он прошляпил свое предназначение, и все те цепи событий, которые предвидели великие умы зеленых существ, не сбудутся. Все пропало. Д-ра Алимонтандо, которого тошнило от тупости и злости, поставил сумку на землю и стал надеяться на спасение. Вдруг по рельсам вон туда проедет поезд. Вдруг по рельсам проедет поезд вон оттуда. Вдруг удастся смастерить какой-нибудь механизм в башне-ретрансляторе и по воздушным волнам дать сигнал о помощи. Вдруг ему поможет владелец этого плодородного, зеленого, обманчиво ласкового места. Вдруг... вдруг. Вдруг все

это – лишь сон во время сиесты, сейчас он проснется и увидит дрейфующую рядом потертую ветродоску.

«Вдруг» вели к «если бы». Если бы он не уснул, если бы привязал веревку... если бы.

Оазис затрясло от зубовно-скрежущего дозвукового гроыхания. Трепетал воздух. Дрожала вода в каплях, которые висели на листьях растений. Стальная башня-ретранслятор завибрировала, и д-р Алимандо вскочил на ноги от испуга. Кажется, под пустыней шли какие-то пертурбации: ее поверхность кипела и сопела, как если бы глубоко внизу переваливался и ворочался некий гигантский объект. Песок вспучился, пошел огромными красными пузырями и разрывами, взметнул лавины скользящего гравия и обнажил грандиозный предмет в форме коробки, ярко-оранжевый, с закругленными ребрами и углами; коробка выпрастывалась из недр Великой Пустыни. На громадных боках предмета красовались черные буквы: РОТЭХ. Д-р Алимандо, влекомый глупым любопытством, подполз ближе к краю утеса. Оранжевая коробка, огромная, будто дом, стояла на поверхности пустыни и зычно гудела.

– Орфа, – прошептал д-р Алимандо; его сердце забило в благоговении.

«Добрый день, человек!» – внезапно раздался голос в голове.

– Что? – взвизгнул д-р Алимандо.

«Добрый день, человек. Прошу простить, что не приветствую тебя велеречивее, ибо, как видишь, я умираю и нахожу этот процесс весьма мучительным».

– Как?..

«Я умираю; системы отказывают, лопаются, как нитки, некогда титанический интеллект погружается в идиотию. Взгляни на меня, человек: мое прекрасное тело покрыто шрамами, волдырями и пятнами. Я умираю, отринутая моими сестрами, что бросили меня погибать в этой отвратной пустыне, а не на краю неба, как подобает орфе, с опущенным щитом, сгорая в ореоле краткой звездной славы в верхней атмосфере. Да будут прокляты вероломные сестры! Говорю тебе, человек, если младшее поколение таково, я рада прекратить существование. Да будь у них хоть чуток достоинства! Возможно, ты сможешь мне уйти достойно».

– Я помогу тебе? Тебе? Ты орфа, служанка Приснодевы; это ты обязана мне помочь! Мне, как и тебе, отсюда не выбраться, и если ты не сможешь, моя гибель последует вскоре за твоей. Я оставлен капризным роком, меня подвело мое же транспортное средство.

«У тебя есть ноги».

– Ты ведь шутишь?

«Человек, не тревожь меня своими мелочными заботами. Я не в состоянии тебе помочь. Я не могу перенести тебя куда-либо; я не могу перенести даже саму себя. Мы с тобой останемся здесь, в созданном мною месте. Признаться, твое присутствие не запланировано, тебе здесь быть не надлежит; Пятисотлетний План не позволяет селиться в этой микроэкосистеме еще шесть лет, но ты можешь остаться до прибытия поезда, который куда-нибудь тебя да увезет».

– И сколько мне ждать поезда?

«Двадцать восемь месяцев».

– Двадцать восемь месяцев?

«Прошу простить, но таков прогноз Пятисотлетки. Признаться, экосистему я готовила на скорую руку, однако она будет тебя поддерживать и питать, а после моей смерти ты получишь доступ ко всему оборудованию в моем нутре. Ну а теперь, если ты закончил тревожить меня своими бедами, можно, я сообщу тебе о собственных?»

– Но ты обязана меня отсюда забрать! Моя судьба не в том, чтобы... кем бы ты ни хотела, чтобы я стал...

«Смотрителем системы связи».

– Смотрителем системы связи, да. Я должен привести в движение великие события в ином месте!

«Какова бы ни была твоя судьба, отныне ей придется осуществляться здесь. А теперь будь добр, человек, избавь меня от своего нытья и позволь умереть достойно».

– Умереть? Умереть? Как машина, экоинженерный модуль РОТЭХа, орфа, может умереть?

«Я отвечу на этот твой вопрос, но не более того. Орфы живут долго, моя жизнь длится почти семьсот лет, но, человек, мы не менее смертны, чем вы. Так упокой меня в мире и препоручи мою душу заботам Приснодевы Фарсидской».

Вездесущий гул вдруг прекратился. Д-р Алимандо затаил дыхание, ему стало нехорошо, а орфа все сидела, ничуть не меняясь, на красном песке. В почтительном молчании д-р Алимандо изучил маленькое рукотворное царство, вверенное ему орфой. Он обнаружил прекрасные пещеры, окаймляющие скалу, на которой покоился микроволновый ретранслятор; их д-р Алимандо решил сделать своим жилищем. В огромных круглых кавернах малочисленные пожитки выглядели куце. Д-р Алимандо развернул лоскутную суму, чтобы та проветрилась и отправился собирать ужин.

Сгущались сумерки. В небе засверкали первые драгоценности лунного кольца. Там, наверху, катались и кувыркались в вечном падении бесчувственные орфы. Их сестра, агонизирующая в капкане почвы и гравитации, отбрасывала на песок исполинские багряные тени. Д-р Алимандо съел невдохновляющий ужин и отправился спать. В два ноль два его разбудил ужасный голос.

«Боже, сгнои РОТЭХ!» – вопил он. Д-р Алимандо заторопился сквозь черные пещеры посмотреть, что происходит. Во мраке воздух гудел от напряжения, темноту пронзали лучи прожекторов, секции могучего тела орфы вдвигались и выдвигались, открывались и закрывались. Орфа ощутила дрожь д-ра Алимандо в ночной рубашке и пригвоздила его, как великомученика, прожекторами.

«Помоги мне! Умирать не так просто, как я себе представляла».

– Это потому что ты машина, а не человек, – крикнул д-р Алимандо, заслоняясь от бьющего в глаза света. – Люди и правда умирают очень легко.

«Почему нельзя умереть, когда хочешь? Помоги мне, человек, помоги мне, подойди, и я покажу тебе, как проявить милосердие, ибо это ползучее бессилие, это механическое недержание невыносимо. Подойди, человек. Помоги мне!»

И д-р Алимандо босиком, спотыкаясь, сошел вниз по ухабистой тропе, вверх по которой волочился сегодня утром. Он понял, что вчера наверняка проплыл над орфой, не зная, что она умирает под землей. Странно, очень странно. Он спешил по еще теплomu песку к гудящему лику левиафана. На гладком металле появилось темное пятнышко размером с монетку в двадцать центаво.

«Это активатор прерывания моих систем. Дотронься до него – и я перестану быть. Все мои системы выключатся, все мои цепи перемкнет, и я умру. Сделай это, человек».

– Я не уверен...

«Человек, мне семьсот лет, я ровесница земли, по которой ты ходишь; неужели в эпоху упадка старость больше не вызывает уважения у вас, людей? Уважь мои желания, ибо я хочу одного: исчезнуть. Дотронься до пятна. Сделай это, человек. Помоги мне».

Д-р Алимандо тронул темное пятно, и то мгновенно обесцветилось, слившись с теплым оранжевым металлом. Затем очень медленно, очень постепенно жизненный гул орфы затих, заглох, умер и растворился в молчании Великой Пустыни. Пока огромная машина ослаблялась до небытия, ее многочисленные панели, люки и секции открывались, являя диковинные механизмы внутренностей. Уверившись в том, что орфа умерла, д-р Алимандо пополз обратно в постель, ощущая тревогу и вину из-за сделанного.

Утром он пошел обглаживать тело убитой им орфы. За пять дней яростного, упорного и неизмеримо приятного труда он построил из этого тела ромбовидный гелиоколлектор в пять

раз выше себя и не без труда водрузил его на опору ветряного насоса. Энергии и горячей воды будет в достатке; на этом д-р Алимандо не остановился, пробив в стенах своих пещер окна и застеклив неповторимый вид Великой Пустыни пластиком из полимеризационной установки орфы. Он расчленил труп и понемногу перенес его по утесам в новый дом. Перерыл машинные потроха и вырезал из механизмов куски, что станут отличными автокультиваторами, оросительными насосами, электротермопластинами, щитами освещения, метановыми ферментализаторами, дождевальными установками, – все, в чем есть хоть немного труда и изобретательности. Д-р Алимандо боготворил изобретательность, особенно собственную. Всякий улучшенный прибор радовал его сутки напролет, пока он не конструировал еще один. Шли дни, орфа мельчала – до жалкой скорлупы, затем до секций, из которых д-р Алимандо строил новые гелиоколлекторы, затем до пластин, а однажды ночью разразилась буря, такая ужасная, что д-ра Алимандо на его самодельной постели била дрожь и он свернулся клубком под лоскутной сумой. Наутро кости мертвой машины исчезли, как древний город под зыбучими песками.

Однако благодаря ее смерти д-р Алимандо преобразил выжидающий оазис в настоящую уютную технологичную обитель, личный мирок, о котором не знают даже зодчие мира; мирок, в котором человек может вдоволь и углубленно размышлять о предназначении, бреде значения, времени, пространстве и смысле жизни. Обо всем этом д-р Алимандо размышлял и, поскольку бумаги не хватало, записывал свои умозрения на стенах пещер черным углем. Год и один день он покрывал стены алгебраическими формулами и теоремами на языке символической логики, а как-то ближе к вечеру увидел на западном горизонте паровой шлейф и понял, что обещание орфы выполнено, причем на семь месяцев раньше срока. Он подождал, когда поезд приблизится настолько, чтобы можно было прочесть название «Вифлеем-Арес Ж/Д», поднялся в самую высокую комнату дома – погодную, сел и стал смотреть на великую пустыню, пока поезд не скрылся за восточным горизонтом. Ибо д-р Алимандо понял, что предназначение – штука неисповедимая и за хвост ее не поймашь; из своих штудий он знал, что через ландшафты времени и парадокса до места назначения ведет множество путей – и что есть назначение, как не что-то предназначенное? Это и есть его предназначение: жить в плодотворном одиночестве в башенке посреди пустыни. Все могло быть куда хуже. Однажды утром, вскоре после того, как первый в истории поезд пересек вселенную д-ра Алимандо, он доставил в погодную комнату себя и бутылку горохового вина. Самая верхняя пещера с ее четырьмя окнами, глядящими на четыре стороны света, очаровала д-ра Алимандо настолько, что он посещал ее изредка, дабы она оставалась особой. Он подолгу всматривался в каждый заочный пейзаж. Затем наполнил гороховым вином стакан, и еще один, и еще, и еще, а когда из бутылки сорвалась последняя капля, поднял стакан и дал имя всему, что видел.

– Дорога Запустения, – пробормотал он, допивая последний стакан горохового вина. – Ты – Дорога Запустения. – Так она и осталась Дорогой Запустения, хотя д-р Алимандо, протрезвев, осознал, что имел в виду вовсе не Дорогу Запустения, а Дорогу Назначения.

Глава 2

М-р Иерихон качал дрезину в лесах и на равнинах. Он качал ее на лужайках и в метрополисах. Он качал ее на рисовых полях и в фруктовых садах, в горах и на болотах. В данный момент он качал ее в Великой Пустыне. Он был терпелив. Он был упрям. Маленький угловатый человечек, крепкий и черный, как полированный корень какого-то пустынного дерева, нестареющий и несокрушимый. Он качал бы эту рукоятку до края света, если б мог укрыться от тех, кто желал его прикончить. Они нашли его в Телферсоне, они нашли его в Кольце Наманги, они нашли его в Чипотле – а он ведь и сам еле нашел Чипотль. Пять дней он ходил озираясь, а на шестой нужда в этом отпала: одетые по-столичному убийцы сошли с поезда, ища его во все глаза, и м-р Иерихон тот же час бежал.

То был отчаянный ход – дать деру в Великую Пустыню; но кроме отчаяния и пустыни у м-ра Иерихона ничего не было. От горячей рукоятки на ладонях вздулись волдыри, вода кончалась, но он продолжал качать, качать, качать эту нелепую ручную дрезину километр за километром камней и пылающего алого песка. Ему не улыбалось сдохнуть на камнях и в пылающем алом песке. Здесь Отченаш Достойных Семейств сдохнуть не мог. Так говорил Джим Иерихон. Так говорила коллективная мудрость его Достойных Предков, что кувыркалась в лимбо-чипе, вживленном ему в гипоталамус. Может, игла убийцы предпочтительнее. А может, и нет. М-р Иерихон сжал рукоятку посильнее и медленно, через боль и скрип привел дрезину в движение.

Он стал самым молодым Отченашем, примкнувшим к Достойным Родам, и нуждался во всей накопленной мудрости прашуров, включая уже оплаканного непосредственного предшественника, Отченаша Уиллема, чтобы выжить в первые месяцы в должности. Именно Достойные Предки побудили его к переезду из Метрополиса в Новый Мир.

Растущая экономика, сказали они; тысяча и одна ниша – мы их разработаем. И разработать ниши полагалось ему, ибо разработка есть цель Достойных Семейств: разбой, порок, шантаж, вымогательство, подкуп, наркотики, азартные игры, компьютерное мошенничество, рабство – тысяча и одна экономическая ниша. М-р Иерихон не был первым, однако он был лучшим. Удаль его преступных выходок оставляла общественность с разинутыми в возмущенном восторге ртами; она же побуждала конкурентов забывать о мелких распрях и объединяться, дабы уничтожить его и его Семейство. Восстановив спокойствие, они могли длить междоусобицы.

М-р Иерихон прервался и вытер со лба соленый пот. Невзирая на Дамантовы Практики, он почти выдохся. Зажмурившись, чтобы не слепил солнечно-песчаный блеск, он сосредоточился в попытке выжать из надпочечника еще один выброс норадреналина, чтобы придать себе сил. Достойные Предки гомонили внутри, будто вороны в соборе: речи внушения, речи воодушевления, речи увещевания, речи презрения.

– Заткнитесь! – заорал он в ионно-голубое небо. И стало тихо. Ободренный таким отказом м-р Иерихон схватился за рукоятку. Та опустилась. Потом поднялась. Дрезина скрипнула и поехала. Рукоятка вниз. Рукоятка вверх. Когда та поднялась, м-р Иерихон уловил на близящемся горизонте зеленое мерцание. Он моргнул, смахнул едкий пот с глаз, всмотрелся пристальнее. Зелень. Добавочное зеленое на красном. Он обострил зрение, как учил его Отченаш Августин, сконцентрировался на границах объектов там, где виднелись различия. Так, настраивая дальность, он смог разглядеть капельки света: отражение солнца в солнечных батареях, заключила кучная мудрость Достойных Предков. Хабитат. М-р Иерихон с удвоенной силой сжал рукоятку.

Два предмета лежали у него между ступнями. Первый – шелковый, с огуречным орнаментом шарф. В него завернут иглострел с рукояткой из человеческой кости, традиционное оружие чести Достойных Семейств. Второй – обманчиво маленький кожаный чемоданчик, из

тех, что называют саквояжами. Внутри – три с четвертью миллиона новодолларов в купюрах Объединенного Банка Солнцеворотной Посадки крупного достоинства. Эти предметы вкупе с одеждой и обувью на м-ре Иерихоне – все имущество, которое он захватил с собой в Преддверии Разгрома.

Его враги ударили все разом и отовсюду. Его империя рушилась в оргиях бомбежек, пожаров и убийств, однако м-р Иерихон улучил момент восхититься тем, как эффективно действовал противник. Такова тропа чести. М-р Иерихон прискорбно недооценил врагов, приняв их за деревенщин и мелких местечковых вояк. В следующий раз он не ошибется. А они, в свою очередь, недооценили Джеймсона Иерихона, посчитав, что он падет к их ногам. Рядом гибли его люди; отлично, значит, он будет работать один. Он расчехлил план внезапного побега. За долю секунды до того, как вирусные программы измельчили его инфосеть в протеиновую жижу, Джеймсон Иерихон обрел новую личину. За долю доли секунды до того, как аудит-боты правительства вломились в его кредитную матрицу, Джеймсон Иерихон перегнал семь миллионов долларов на депозиты фальшивой компании в банковских филиалах пятидесяти городков по всему северному полушарию. Когда Отченаши просекли, что кончина сфальсифицирована (бедный дубль, но бизнес есть бизнес), и послали по его следу убийц и следящие программы, он снял со счета только то, что лежало в черном саквояже. Джеймсон Иерихон оставил дом, жену, детей, все, что когда-либо любил, все, что когда-либо создавал. Ныне он бежал по Великой Пустыне на украденной у «Вифлеем-Арес Ж/Д» насосной дрезине в поисках последнего места в мире, где его стали бы искать.

Смеркалось; м-р Иерихон прибыл в поселение. Оно не впечатляло, да и не могло впечатлить человека, привыкшего к изумительным архитектурным видам древних городов Большой Долины и выросшего в Метрополисе – кольцевом городе, прекраснейшем из всех. Здесь имелись: один дом, грубая саманная хибара, примощенная к рябой от окон красной скале; одна башня-ре- транслятор; сколько-то гелиоколлекторов и ветряных насосов и сколько угодно слегка запущенных зеленых садов. А вот обособленность места впечатлила м-ра Иерихона сильно. Здесь его искать не станут. Он сошел со скрипящей дрезины и омыл волдыри в кадке подле дома. Намочил красный носовой платок теплой водой и увлажнил шею, каталогизируя в уме огород. Кукуруза, бобы, матоке, лук, морковь, картошка, белая и сладкая; батат, шпинат, разные травы. Между грядками по оросительным каналам ало струилась вода.

– То, что надо, – сказал м-р Иерихон своим «я». Достойные Предки согласились. На верхушке башни-ретранслятора заклекотал пустынный ястреб.

– Здравсте! – крикнул м-р Иерихон что было мочи. – Здравсте-е-е-е-е-е... – Эха не было. Эху негде было рождаться, если не считать красных холмов на южном горизонте. – Здравсте-е-е-е-е... – Чуть погода из низкой саманной хибары показался человек: высокий худой мужчина, очень смуглый – кожа точно дубленая. С длинными, извивающимися усищами.

– Иерихон, к вашим услугам, – сказал м-р Иерихон, живо воспользовавшись преимуществом.

– Алимантандо, – назвал его высокий худой смугляк. Глядел он с сомнением. – Доктор. – Двое поклонились друг другу чуть чопорно, чуть неуверенно.

– Рад познакомиться, – сказал м-р Иерихон. Алимантандо – род из Второзакония; чувствительные люди живут в этом Второзаконии. Ведут происхождение от самых первых поселенцев, думают, будто им принадлежит вся планета, не слишком терпимы к новичкам. – Слушайте, я просто ехал мимо, но мне нужен ночлег, глоток воды, чуток еды, крыша над головой. Вы мне поможете?

Д-р Алимантандо изучал незваного гостя. Он пожал плечами.

– Видите ли, я крайне занят, провожу важное исследование и буду благодарен, если мое душевное спокойствие останется непотревоженным.

– Что именно вы исследуете?

– Составляю полный перечень хронодинамических теорий.

Достойные Предки вытолкнули на поверхность сознания м-ра Иерихона подходящий ответ.

– А, вроде Постулатов Синхронности Вебенера и Тройного Парадокса Чэнь Цю.

Недоверчивые глаза д-ра Алимантандо полыхнули уважением.

– Надолго останетесь?

– На одну ночь.

– Уверены?

– Более чем. Я просто ехал мимо. На одну ночь.

И м-р Иерихон остался на одну ночь, но продлилась она двадцать лет.

Глава 3

Буря приближалась, и фургонтина неслась впереди нее на всех парусах, отвоевывая каждый километр расстояния до кипящего пылью бурого облака. Три дня бежала она впереди бури, три дня с того утра, когда дедуля Аран обратил свой левый, погодный глаз к западному горизонту и заметил коричневато-охряной обод до небес. «Идет непогода», – сказал он, и непогода пришла, и подкрадывалась ближе с каждой секундой, и подобралась так близко к первопроходцам, что даже Раэль Манделья, проклятый даром практичности, осознал: обогнать бурю не удастся, и все, на что осталось надеяться его семье, – это найти какое-нибудь убежище, пока все не утонуло в пыли.

– Быстрее, быстрее! – кричал он, и дедуля Аран, а также милая, прекрасная Эва Манделья, мистическая супруга, на сносях, стали добавлять к парусам последние носовые платки, пока фургонтина не загудела, не запела на прямой стальной колее. Скрипел рангоут, звенели-визжали тросы, тряслась и качалась воздушная тележка. В багажном прицепе бляели от страха козы и ламы, а свиньи терлись о прутья клеток. Позади валы бурой пыли расплескивались по земле в раже близящейся погони.

И вновь Раэль Манделья бичевал себя за безрассудное решение повезти жену, отца и нерожденного ребенка по Великой Пустыне. Четыре дня назад в Мёрчисоновых Низинах выбор был прост. Переведешь стрелку вот так – поедешь со всей семьей в южном направлении, на заселенные территории Второзакония и Великого Окса; переведешь вот эдак – помчишься по Великой Пустыне к пустошам Северной Аргире и Трансполярья. Тогда Раэль не мешкал. Ему нравилось воображать себя храбрым первопроходцем, осваивающим новые земли, строящим свой мир своими руками. Его обуяла гордыня. Теперь же грядет наказание. Планы и карты беспощадны: топографы РОТЭХа не отметили ни единого поселения на тысячу километров вдоль железной дороги.

Порыв ветра настиг грот и разодрал его по вертикали. Раэль Манделья ошарашенно смотрел на хлопающие обрывки парусины. Затем отдал приказ идти в бейдевинд. Не помогло: еще три паруса лопнули с треском, будто стреляли из ружья. Фургонтина содрогнулась и замедлилась. Тогда Эва Манделья встала, раскачиваясь и цепляясь за гудящий трос. Ее живот колыбался, неминуемо приближались схватки, но глаза Эвы были устремлены вдаль, а ноздри трепетали, как у испуганной оленихи.

– Там что-то есть, – ее голос увертывался от воплей ветра и проводов. – Я слышу запах; там что-то зеленое и растущее. Аран, у вас глаз наметан, что вы видите? – В вихрящейся пыли и мгле, предвосхищавших бурю, дедуля Аран погодным глазом высверлил геометрически совершенную прямую и узрел учуянное Эвой Мандельей: шарик зеленой растущести и всякое-прочее по бокам – высокую металлическую башню и ромбовидные гелиоколлекторы.

– Хабитат! – заорал он. – Поселение! Мы спасены.

– Прибавить паруса! – заревел Раэль Манделья; обрывки парусины едва не били его по ушам. – Прибавить паруса! – Дедуля Аран пожертвовал древний родовой стяг из тончайшего новомерионеддского шелка, стяг, который хотел поднять, провозглашая царство сына в землях за пустыней, а Эва Манделья – подвенечное платье из кремового органди и нежнейшие нижние юбки. Раэль Манделья принес в жертву шесть незаменимых пластиковых гелиопленок, и вместе они оснастили мачту. Ветер поймал фургонтину, она маленько затряслась, легонько подскочила, и фронтирное семейство Манделья, похожее скорее на бродячий цирк в плену водяного смерча, чем на рвущихся осваивать новые земли первопроходцев, покатилося по рельсам в убежище.

Д-р Алимандандо и м-р Иерихон приметили фургонтину издалека: комок разноцветной ткани летел впереди бури. Завидев первые рывки и броски пылевых смерчей, они свернули

нежные лепестки гелиоколлекторов в плотные бутоны и втянули оперенные усики и чашечки антенн в башню-ретранслятор. Пока они трудились, запеленав головы и руки в толстые полотняные тюрбаны, ветер усилился до визга, соперничавшего с криком, и наполнил воздух летучими иглами пыли. Когда фургонтина стала яростно тормозить в урагане визгов, скрипов и искр, д-р Алимонтандо и м-р Иерихон понеслись разгружать кабуз. Они работали с молчаливой, самоотверженной синхронностью людей, которые долго жили друг с другом и больше ни с кем. Эва Манделья не без испуга смотрела, как они неумоимо и машинально поднимают и уносят: скотофонд, корнефонд, семьяфонд, инструменты, машины, материалы, ткани, утварь, гвозди, шурупы, булавки и краски; берут и ставят, берут и ставят, не говоря ни слова.

– Куда мы все это сложим? – закричал Раэль Манделья.

Д-р Алимонтандо поманил их спеленутым пальцем и повел в теплую сухую пещеру.

– Эта – для вас, смежная – для вашего оборудования.

В семнадцать семнадцать ударила буря. В тот же момент Эва Манделья принялась рожать. Ее подвенечное платье, нижние юбки, родовой стяг и шесть ценных гелиопленок взвивал в атмосферу ветер, способный содрать человеческую плоть с костей, а Эва тужилась, и тужилась, и стонала, и кряхтела, и тужилась, и тужилась в теплой сухой пещере при свете сальных свечей; тужилась, тужилась, тужилась, тужилась, пока не вытужила на свет двух голосащих младенцев. Возвестившие их появление вопли заглушил вопль бури – на порядок громче. В пещеру просачивались красные песчинки. В мерцающем желтом свете Раэль Манделья поднял сына и дочь.

– Лимааль, – сказал он ребенку в правой руке. – Таасмин, – сказал он ребенку в левой, и, поступив так, проклял их своим проклятием, так что его рационализм-правша передался сыну, а мистицизм-левша его жены – дочери. То были первые граждане Дороги Запустения, и благодаря их гражданству получили гражданство их родители и дед – не гнать же им фургонтину дальше, в земли за пустыней, с младенцами у каждой груди. Так что они остались навсегда и не обрели землю за горами, которую с тех пор ищут все Мандельи, ибо знают, что Дорога Запустения – всегда за шаг до рая, и весьма недовольны тем.

Глава 4

Раджандра Дас жил в дыре под Платформой 19 Главного Вокзала Меридиана. Раджандра Дас делил эту дыру много с кем, а дыры под Главным Вокзалом Меридиана были много где, и жил там много кто. Эти люди именовали себя джентльменами радости, знатоками свободы, школярами Универсиума Жизни, Веселыми Привидениями. Менеджеры железной дороги именовали их шаромыжниками, босяками, нищобродами, голю перекаточной, гунда-шушерой и бомжарами. Пассажиры именовали их голыми соколами, князьями из грязи, падшими душами и рыцарями бедового образа и открывали ради них кошельки, а они сидели на корточках на вокзальных ступенях, тянули руки в ожидании потоков центаво и пристально глядели молочно-белыми глазами – спасибо специальным катарактным линзам от фирмы «Очки и Оптика для Света с Востока» на улице Ист-Брэд. Впрочем, Раджандра Дас в щедротах люда Меридиана, путешествовавшего поездами, не нуждался. Он не покидал подземного сообщества Главного Вокзала и жил на то, что платили за его услуги нищие. Он пользовался некоторым уважением (хотя значимость уважения в царстве босяков сомнительна), потому что у него был талант.

Раджандре Дасу было дано очаровывать машинерию. Не существовало ничего механического, электрического, электронного и субмолекулярного, что не стало бы работать для Раджандры Даса. Он любил машины, любил разбирать их, возиться с ними, собирать снова и совершенствовать, а машины любили, когда его длинные проворные пальцы поглаживали их внутренности и пощипывали их чувствительные компоненты. Машины пели для него, машины мурлыкали для него, машины делали для него все. Машины с катушек съезжали от любви к нему. Когда в дырах под Главным Вокзалом Меридиана портился какой-либо механизм, он попадал прямиком к Раджандре Дасу; тот что-то напевал, бормотал, поглаживал ухоженную каштановую бородку. Потом извлекал из куртки с множеством карманов отвертки, разбирал механизм – через пять минут тот отремонтирован и работает лучше прежнего. Раджандра Дас уламывал лампочки, рассчитанные на четыре месяца, светить два года. Настраивал беспроводы настолько тонко, что те ловили космическую болтовню хабитатов РОТЭХа на высокой орбите. Перемонтировал протезы рук и ног (на Главном Вокзале Меридиана недостатка в них не было), становившиеся быстрее и сильнее замененной ими плоти.

Такие его способности не остались незамеченными вокзальной властью, и когда перфузионный отцеживатель давал не тот осадок или постоянный сбой в рычажном ускорителе номер 3 заставлял инженеров в раздражении швырять ЭМП-индуктор на бетон, самого младшего подстажера отправляли в провонявший фекалиями муравейник путей и тоннелей отыскать Раджандру Даса. И Раджандра Дас устранял сбой и отлаживал неисправный отцеживатель, и все работало как новенькое, если не лучше.

Оттого Раджандра Дас вел приятную жизнь: регулярные полицейские облавы в туннелях его не трогали, он пользовался уважением и любовью, нужды не знал. Но однажды Раджандра Дас выиграл в Большую Железнодорожную Лотерею.

То была хитроумная поделка социальной инженерии, придуманная легендарным бомжом, которого все звали Старый Мудрила, и вот как она работала. Раз в месяц имена всех подземельцев попадали в большой лотерейный барабан. Вытягивалась одна бумажка, и в ту же самую ночь победителя приглашали покинуть Главный Вокзал Меридиана на любом поезде по его или ее выбору. Ибо Старый Мудрила дотумкал: Главный Вокзал Меридиана – как есть ловушка: комфортная, теплая, сухая дыра, приглашение в вечность самодовольного нищеводства и омертвления. Вокзал глушит любой потенциал любого человека. Это милая тюрьга. Будучи Старым и к тому же Мудрилой (старым как мир, гласит легенда), он придумал два закона, два правила игры. Первый: в барабан идут все имена без исключения. Второй: отказаться от выигрыша победитель не вправе.

И вот в комнатухе, стены которой усеяны открытками прежних победителей, барабан пострекотал, кашлянул – и выкашлял имя Раджандры Даса. Может, это была удача и ничего личного. Ну или барабанная машина без задней мысли старалась ему угодить. Так или иначе, выигрыш достался Раджандре Дасу, и пока победитель паковал скромные пожитки в холщовый мешок, по Главному Вокзалу Меридиана под и над землей, от Фрахтовой Ветки авеню Эстерхази до кабинета м-ра Популеску, станционного смотрителя, ползли разговорчики: «Раджандра Дас выиграл в лотерею... вы слышали?.. Правда? Да, он выиграл в лотерею», – и настала полночь, и Раджандра Дас скрючился в смотровой яме около Главной Одноколейки Номер Два в ожидании, когда переменится светофор, и провожать его пришли более сотни человек.

- Куда направляешься? – спросил Дзонг Пот Хуан, сосед по дыре и постоянный клиент.
- Не знаю. В итоге в Мудрость, я думаю. Всегда хотел посмотреть на Мудрость.
- Но, Ар-Ди, это же на другой половине мира.
- Тем ценнее туда доехать.

Тут светофор загорелся зеленым, и в ярком сиянии Главного Вокзала Меридиана по рельсам разнеслись пыхтение и фырчание термоядерного пара. Из света и дыма явился поезд, полторы тысячи тонн клац-клацающей стали «Вифлеем-Арес». Мимо укрытия Раджандры Даса тяжеловесно катились товарные вагоны, убийственно тяжелые и медленные. Раджандра Дас отсчитал двенадцать, свое счастливое число, и выскочил из ямы. Он бежал между поездом и рядами доброжелателей, и кто-то хлопал его по спине, и слышны были возгласы одобрения. Раджандра Дас улыбался и махал рукой на бегу. Поезд неспешно набирал скорость. Раджандра Дас выбрал вагон и запрыгнул на сцепку. Из темноты донеслись вопли, гиканье и овации. Он перелез на подножку вагона и дернул за ручку двери. Чутье не подвело. Дверь оказалась не заперта. Раджандра Дас отодвинул ее и вкатился внутрь. Устроился поудобнее на штабеле ящиков с манго. Поезд громыхал сквозь ночь. Раджандра Дас забылся рваным, странным сном; ему казалось, что состав подолгу стоит на анонимных узлах, пока мимо свистят поезда поярче и побыстрее. На заре он проснулся и позавтракал манго. Отодвинул дверь и сел, свесив ноги, и вот так сидел и смотрел, как красное солнце встает за обширной красной пустыней, и ел кусочки манго, отрезая их многолезвийным ножом Сил Обороны, спертым из «Особых Скобяных Изделий Кришнамурти» на улице Уотер. Кроме красной пустыни здесь и там смотреть было особо не на что, и Раджандра Дас снова отправился на боковую, и снились ему башни Мудрости, сияющие в рассветных лучах солнца, что встает из-за Сыртского моря.

В двенадцать двенадцать Раджандру Даса разбудил микровзрыв в основании позвоночника. Из глаз сыпанули искры; Раджандра Дас задохнулся, судорожно разинул рот, скривился от боли. Новый взрыв, еще один. Теперь Раджандра Дас проснулся достаточно, чтобы понять: его бьют по почкам. На крик вдоха не хватило; он перекатился на спину, и потная щетинистая харя обдала его мерзкими миазмами.

– Паскуда-сука-гнусь-бомжара-хренов, – пророкотала сальная харя. Нога изготовилась к новому удару.

– Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет, нет-нет-не-надо, – заскулил Раджандра Дас, отыскав в кармашке легких воздух для мольбы, задрал руки в тщетной самозащите.

– Паскуда-сука-гнусь-бомжара-хренов, – подчеркнул небритый вонючка и выпнул воздух из Раджандры Даса. Ручища схватила Раджандру Даса за потертую куртку и приподняла.

– Пшел, – сказала харя, таща Раджандру Даса к открытой двери. Под колесами мчалась красная пустыня.

– Нет-нет-нет-нет-нет, – умолял Раджандра Дас. – Не здесь, не в пустыне. Это смертоубийство!

– Похер, – проворчала потная харя, но, видимо, некий рудимент добропорядочности, не затронутый «Вифлеем-Арес Ж/Д», шевельнулся, потому что харя опустила Раджандру Даса

на штабель ящиков с манго, присела на корточки, дабы рассмотреть паскудного бомжару, и принялась похлопывать дубинкой с подсветкой по бедру. – Вот притормозим, и ты отседова вылетишь. – Раджандра Дас молчал. Он ощущал, как окрашиваются багрянцем синяки по всей спине.

Через полчаса вагон затрясся. Раджандра Дас каждым багряным синяком чувствовал, что поезд замедляет ход.

– Эй, а где мы вообще? Есть тут цивилизация?

Сторож ослабилась, демонстрируя гнилозубое горнило. Поезд тормозил. Остановился со скрипом и скрежетом. Сторож отодвинул дверь, впуская ослепительное солнечное зарево.

– Эй-эй-эй, что это такое? – сказал Раджандра Дас, заморгав и ослепнув. Потом обнаружил, что лежит на твердой грязи, а воздух из легких опять выбит. Больно шлепнулся на грудь холщовый мешок. Засвистели свистки, зашипел пар, забились поршни. Раджандру Даса ударила по лицу обжигающе горячая струя. «Кровь!» – подумал он, потом моргнув, сплюнул, присел. Сторож, кончив мочиться, оглушительно захохотал и принялся упикивать бородавчатый член обратно в зловонные штаны. Поезд заревел и умчался прочь.

– Ублюдки, – бросил Раджандра Дас, обращаясь к железнодорожной компании в целом. Обтер лицо рукавом. Моча образовала на пыли бордовое пятно. С таким же успехом могла быть и кровь. Не меняя позиции в точке приземления, Раджандра Дас осматривал окрестности. Низкие саманные домишки, одна-две белых стенки, сколько-то зелени, сколько-то деревьев, сколько-то ветряных насосов, горстка больших ромбовидных гелиоколлекторов и приземистая башенка-ретранслятор на горке камней, выглядевших так, будто в них кто-то жил.

– Не пропаду, – сказал Раджандра Дас, которого любили лотерейные барабаны, локомотивы и товарные вагоны, но не охранники; на охранников «Вифлеем-Арес Ж/Д» его чары не действовали. Приближались силуэты, неразличимые в полуденной знойной дымке. Раджандра Дас поднялся и пошел навстречу новым хозяевам.

– Эй, – сказал он, – это место ведь не сыскать на открытках?

Глава 5

Матушке поезда не нравились. Ее устрашали их габариты. Ее сокрушал их вес. Ее тревожила их скорость, а стук колес был как приближение судного дня. Она боялась их пара, фонтанирующих струй и того, что их термоядерные токамаки могут взорваться и раздербанить ее на вольные атомы в верхних слоях атмосферы. Она ненавидела поезда. Особенно поезда, которые ездят по ужасным красным пустыням. Что до поездов, в большинстве своем они были к Матушке равнодушны. Даже тот, который ехал сейчас по ужасной красной пустыне.

– Миша, Миша, скоро мы сойдем с этого мерзкого агрегата?

Микал Марголис, минералог, промышленный химик, послушный сын и молодой первопроходец, отвернулся от гипнотической красной пустыни с девственным, незапятнанным, прекрасным геологическим потенциалом и сказал маленькой пожилой матери:

– Мы пересечем пустыню, как только мы ее пересечем, и окажемся в Райской Долине, где дождь идет только в два часа ночи, где, когда сажаешь семя, надо сразу отступить на шаг, иначе деревце врежет тебе по подбородку, где ручные певчие птички прилетают и поют на твоём пальце, и где мы с тобой, мама, заработаем состояние и станем жить богатыми, здоровыми и счастливыми.

Нехитрая сказка сына пришлась Матушке по вкусу. Ей нравился кусочек о ручных певчих птичках, сажающихся на палец. В Новом Космобаде из птиц были только хриплые черные вороны.

– Миша, но сколько еще нам ехать?

– До следующей станции, мама. В этой пустыне городов нет, останавливаться просто нигде. До следующей станции, а там мы пересядем на горную железную дорогу, и она унесет нас в Райскую Долину.

– Ах, эти пересадки, не нравятся они мне. Я не люблю поезда, Миша, вот совсем не люблю.

– Мама, беспокоиться не о чем. Я здесь. Не хочешь мятного чаю для нервного успокоения?

– Это, Миша, было бы весьма кстати. Спасибо.

Микал Марголис вызвонил стюарда, и тот принес мятного чаю в заварочном чайничке с черно-золотой маркировкой «Вифлеем-Арес Ж/Д». Матушка пила чай глоточками и в промежутках улыбалась сынуле. Микал Марголис улыбался в ответ и размышлял, что скажет матери, когда они доберутся до Райской Долины, потому что райская она лишь для промышленных химиков; и дождь там идет в два часа ночи, потому что в это время система очистки сбрасывает хвостовые газы в атмосферу; и в почве полно этилена, благодаря которому деревья прорастают за ночь, потом чахнут и гибнут; и где все птички давным-давно дали дуба в токсичных парах, а на пальцах поют хитрые механические дубли – часть разработанной Компанией программы по связям с общественностью.

Он подумает об этом ближе к делу. За поляризованным окошком расстилалась волнующая красная пустыня, мужской пейзаж, песчаная страна чудес с нетронутыми скалами и минералами. Микал Марголис вообразил себя скачущим по пустыне верхом на лошади, в цветном пончо, голова обмотана платком, кожаный футляр для образцов пошлепывает по спине. Погруженный в такие грезы, он сам не заметил, как его убаюкало нежное покачивание поезда.

Проснулся он в аду крошечном. Не в Аду Крошечном, как именовалась развязка, из которой шли поезда в Райскую Долину, а в другом, куда более кошмарном месте. Шипели клапаны, где-то орал человек, металл бряцал о металл, и кто-то тряс Микала Марголиса за плечо, приговаривая: «Сэр, ваша мать, сэр, проснитесь, сэр, ваша мать, сэр, сэр, сэр...» Он сфокусировал взгляд на бледном лице стюарда. «Сэр, ваша мать, сэр». Матушки на месте не было. Весь

багаж испарился. Микал Марголис устремился к окну и увидел, как мать блаженно скользит вниз по ступенькам, жестами увлекая за собой бородатого юношу, ухмыляющегося под ворохом свертков и футляров.

– Мама! – зарычал Микал Марголис. – Мама!

Матушка взглянула на него и замахала рукой: крохотная, счастливая фарфоровая куколка. И голосок у нее был кукольный.

– Миша! Быстрее! Нельзя терять ни минуты. Надо отыскать другую станцию.

– Мама! – заревел Микал Марголис. – Не та остановка! – Но слова потонули в лавине пара и грома разогревающихся термоядерных двигателей. Скрипуче, старчески поезд трогался с места. «Сэр, сэр!» – завопил растрепыхавшийся стюард. Микал Марголис вытянул руки, толкнул его на пустующее место и понесся к двери. Он прыгнул, когда вагон прощался с краем импровизированного перрона.

Матушка вихрила по перрону ураганом мелкого возмущения.

– Миша, каким мукам ты подвергаешь меня, свою бедную родную мать! Уснул в вагоне, вот тебе и на. Пошли, не то пропустим горный поезд.

Мордастый носильщик вынужден был бросить чемоданы, так ему стало смешно.

– Мама, где горы?

– За домами.

– Мама, ты же видишь, что за домами, они все низенькие. Мама, это не та станция.

– Как не та? И куда же тебя привела твоя бедная родная мать?

Микал Марголис показал на слова, выложенные красивыми белыми булыжниками вдоль колеи.

– На Дорогу Запустения, мама.

– Но это же следующая станция, нет?

– Мы ехали до Ада Кромешного. Поезд не должен здесь останавливаться. Тут не должно быть никакого города.

– Тогда вини железнодорожную компанию, вини город, но никак не твою бедную родную мать! – вскипела Матушка и похулила, осмеяла, распяла и всячески прокляла железнодорожную компанию, ее поезда, ее рельсы, ее сигналы, ее подвижной состав, ее кондукторов, ее инженеров, ее сторожей и всех, кто хоть отдаленно связан с «Вифлеем-Арес Ж/Д», вплоть до захудалой туалетчицы третьего класса – и так минут двадцать кряду.

Наконец, д-р Алиманданто, номинальный голова Дороги Запустения, нас. 7, выс. 1250 м, «в шаге от Рая», прибыл унять препирательства и вернуться к хроокинетическим штудиям в мире и спокойствии. Накануне он поручил Раджандре Дасу, на все руки мастеру, ученику чародея, разнорабочему и станционному носильщику, выложить название города ослепительно белыми булыжниками, дабы любой мимоезжий поезд знал: жители Дороги Запустения гордятся своим городом. Будто привлеченный черной симпатической магией, поезд с Матушкой и Микалом Марголисом выехал из-за горизонта и остановился осмотреться. Раджандра Дас умел привораживать машины, но, ясно, не настолько. Так или иначе, он приворожил Матушку и ее сына, и теперь д-ру Алиманданто пришлось решать, что с ними делать. Он предложил им прибежище в одной из теплых сухих пещер, изрешетивших утесы, до времени, когда Матушка с сыном решат уехать или соорудят менее временное обиталище. Одеревенев от возмущения, Матушка от приюта отказалась. Она не станет спать в грязной норе с пометом летучих мышей на полу и ящерицами в качестве сожителей; и, нет, она не разделит грязную нору с сыном, безбожным ничтожеством, понятия не имеющим, как обходиться с пожилой леди, его бедной родной матерью. Д-р Алиманданто слушал ее со смирением, которое наскреб по сусекам души, после чего умолил Манделий, чей дом строился с расчетом на семью, пригреть бедняжку. Микал Марголис въехал в пещеру. Помет летучих мышей и ящерицы были в наличии, зато не было матери, а значит, дела шли неплохо.

В хозяйстве Манделий Матушка обнаружила современника в лице дедули Арана: тот развлекал ее гороховым вином и медоточивой лестью и попросил сына пристроить к и так расплзавшемуся дому Манделий еще одну комнату, специально для Матушки. Каждый вечер они потягивали вино, вспоминали денечки, когда и они, и мир были молоды, играли в слова – Матушка это обожала. Одним таким вечером, ранней осенью, когда дедуля Аран выкладывал слово «алюмосиликат» с двойным счетом слова и тройным счетом буквы, Матушка впервые обратила внимание на его безупречные седины и красивое стройное тело, обструганное временем, но сильное и без следов эрозии. Она задержала взгляд на стоящей колом бороде, на милых искрящихся глазках-пуговичках, тихо вздохнула и влюбилась в дедулю Арана.

– Аран Манделья, как говорят в нашем Старом Новом Космобаде, вы очень-очень джентльмен, – сказала она.

– Анастасия Тюрищева-Марголис, как говорят на нашей Дороге Запустения, вы очень-очень леди, – сказал дедуля Аран.

Свадьбу назначили на будущую весну.

В своей пещере Микал Марголис мечтал о минеральных источниках Райской Долины. В скалах Дороги Запустения он не разбогатеет, зато обнаружит кристаллы сульфата дилеммы. Со временем дилемма очистится до кристальной ясности: чтобы разбогатеть, нужно покинуть Дорогу Запустения и свою мать; сделать так – значит жить самостоятельно, а для этого кишка у него тонка. Такова суть дистиллированной дилеммы Микала Марголиса. Ее расщепление на полезные соединения и поиск личной антиматеринской храбрости приведут его к адюльтеру, убийству, ссылке и уничтожению Дороги Запустения. Но все это будет потом.

Глава 6

Как-то пополудни, сразу после формального окончания сиесты, когда не очнувшиеся от сладостного сна люди неформально моргали, потягивались и зевали, Дорога Запустения услышала шум, какой никогда еще не слышала.

- Будто огромная пчела, – сказала Матушка.
- Или рой пчел, – сказал дедуля Аран.
- Или огромный рой огромных пчел, – сказал Раджандра Дас.
- Пчел-убийц? – спросила Эва Манделья.
- Таких не бывает, – сказал Раэль Манделья.

Близнецы забулькали. Они едва начали ходить и были в возрасте вечного падения вперед. Ни одна дверь города не выдерживала их напора; отважно и бесстрашно искали они приключений. Пчелы-убийцы их не смутили бы.

- Скорее мотор самолета, – сказал Микал Марголис.
- Один мотор? – встрял д-р Алимантандо. – Один мотор, одноместный распылитель удобрений? – Во Второзаконии такие водились.

– Скорее два мотора, – сказал м-р Иерихон, напрягая тонко настроенный слух. – Двухмоторный, двухместный, точно не распылитель, скорее пилотажный, «Ямагути и Джонс», с двигателями «Майбах-Вуртель» в толкающе-тянущей конфигурации, если не ошибаюсь.

Шум, каким бы ни был его источник, делался громче. Вдруг м-р Иерихон разглядел на лице солнца пятнышко тьмы.

- Вот он, смотрите!

С жужжанием, подобающим огромному рою пчел-убийц, самолет вынырнул из солнца и прогремел над Дорогой Запустения. Пригнулись все, кроме Лимаала и Таасмин – те проводили самолет поворотом голов и упали, потеряв равновесие.

- Что это было?
- Глядите... разворачивается, возвращается!

В верхней точке разворота все увидели растревоживший их самолет во всей красе. То был обтекаемый аппарат в форме акулы с двумя пропеллерами, носовым и хвостовым, с крыльями под углом и смещенным книзу хвостом. Всем бросились в глаза яркие тигриные полосы, нарисованные на фюзеляже, и хищная зубастая ухмылка на носу. Самолет опять пикировал на Дорогу Запустения и чуть не срезал верхушку ретрансляционной башни. Все вновь пригнулись. Самолет завис на вираже, полированный металл отразил последобеденное солнце. Жители Дороги Запустения стали махать руками. Самолет еще раз устремился к городу.

- Смотрите, пилот машет в ответ!

Люди помахали снова.

В третий раз самолет пронесся над саманными домиками Дороги Запустения. В третий раз заложил он крутой вираж.

– Я уверен, он садится! – крикнул м-р Иерихон. – Он садится! – Из законцовок крыльев, носа и смещенного хвоста выдвинулись посадочные шасси. Напоследок самолет пронесся мимо горожан и устремился вниз, на пустой участок за железнодорожным полотном.

– Разобьется! – сказал д-р Алимантандо, однако побежал с остальными к распускавшемуся за рельсами кошмарному облаку пыли. Навстречу выкатился самолет. Люди рассеялись, самолет вильнул, зацепился подкрыльным колесным шасси за валун и врезался в него, прорыв в песке глубокую полукруглую борозду. Добрые граждане Дороги Запустения поспешили на помощь пилоту и пассажиру, но пилота освободить не требовалось, он отодвинул дверцу кабины, выпрямился и заорал:

– Вы тупые ублюдки! Тупые, скорбные умом ублюдки! Какого черта вы прибежали, чего вам надо? А? Он разбился, разбился, он никогда не взлетит, а все потому, что вы, тупые ублюдки, такие тупые, что бегаєте прямиком на самолеты! Посмотрите, что вы наделали, посмотрите!

И пилот разрыдалась.

Ее звали Персея Голодранина.

Она родилась с крыльями, авиационный жидкий водород тек в ее жилах, ветер гудел в ее проводах. Со стороны отца – три поколения Летающего Цирка Ракеты Морган, со стороны матери – генеалогическое древо распылителей, коммерческих пилотов, чартерных летунов и безрассудных пилотажников вплоть до прапрабабушки Индхиры, которая, говорят, водила Парус-Корабли Президиума, когда создавался этот мир. Персея Голодранина родилась для полета. Она была крупной, грозной, виртуозной птицей. Для нее потеря самолета значила не меньше, чем потеря руки, или ноги, или любимого, или жизни.

Все время, все деньги, всю энергию и любовь она с десятилетнего возраста вкладывала в Поразительный Воздушный Вертеп Голодраниной – летающий цирк одного пилота и одного шоу, небесное шатокуа, которое не просто ошеломяло глазевших раскрыв рот зрителей смертоубийственной акробатикой высшего пилотажа, но и расширяло их кругозор, за скромную плату предлагая виды с высоты на их же фермы, а также крупные планы непогоды и увеселительные экскурсии к местным достопримечательностям. В этой профессиональной роли Персея Голодранина двигалась на восток по верхнему полушарию, пока не достигла равнинного городка Станция Уолламурра.

– Взгляните на Великую Пустыню, – разливалась она перед овцеводами Станции Уолламурра, – восхититесь крутыми безднами огромных каньонов, подивитесь силам Природы, вытесавшим исполинские естественные арки и высоченные каменные столпы. Внизу вам откроется вся история земли, изложенная в камне: зуб даю, это путешествие за один доллар пятьдесят центов вы не забудете никогда.

Для Июния Ламбе, осатаневшего от ужаса на заднем сиденье, рекламный слоган оказался чистой правдой. Через двадцать минут после вылета со Станции Уолламурра – никаких каньонов, исполинских арок и высоченных столпов в радиусе ста километров, – Персея Голодранина обнаружила, что показания топливомера не желают меняться. Она постучала по дисплею. Красная планка замерцала и упала до нуля. Персея постучала снова. Планка осталась где была.

– Нихренасе, – сказала она. Врубила запись комментариев к чудесам Великой Пустыни, чтобы Июний Ламбе не беспокоился, и стала искать на картах ближайшее поселение, чтобы аварийно приземлиться. Возвращение на Станцию Уолламурра было с очевидностью исключено, но карты РОТЭХа не утешали. Персея сверилась с радиолокационной аппаратурой. Менее чем в двадцати километрах наблюдалась утечка сверхвысокочастотного излучения, характерная для ретрансляции в планетарной коммуникационной сети.

– Надо проверить, – сказала Персея себе и так решила судьбу – свою, самолета и пассажира.

Она обнаружила крошечное поселение там, где никакого поселения вроде не было. Аккуратные квадратики зелени, отражавшееся в солнечных батареях и ирригационных канавках солнце. Персея различила красные черепичные крыши домов. И людей тоже.

– Держитесь крепче, – сказала она Июнию Ламбе, после этих слов впервые заподозрившему неладное. – Ныряем.

На последней слезинке топлива повела она возлюбленную птичку к земле, и что же произошло? Отвращение Персеи было столь велико, что она отказалась покидать Дорогу Запустения с Июнием Ламбе на Арес-Экспрессе, маршрут Ллангоннедд – Жизнерадость, 14:14.

– Как прилетела, так и улечу, – объявила она. – Я отсюда двину только одним способом – на паре крыльев.

Раджандра Дас пытался заговорить шасси, чтобы те вернулись в законцовки, но его на это не хватило, как не хватило сварочной горелки Раэля Мандельи, несмотря на все старания вернуть самолет к жизни. Для единственной выжившей сотрудницы Поразительного Воздушного Вертепа Голодранины унизительнее всего было то, что сварочную горелку Раэля Мандельи питало не что-нибудь, а стопроцентный, чистейший, неразбавленный авиационный жидкий водород.

Тогда д-р Алимонтандо оделил Персею Голодранину домом и садом, чтобы она не умерла с голоду, но жизнь ее не была счастливой, ибо в глазах ее сияло небо. Она взирала на тощих пустынных птиц, собиравшихся на антеннах башни-ретранслятора, и печалилась – ее крылья сломали глупые людишки. Она вставала на край утеса, смотрела на птиц, что взмывали на вечерних термиках, и думала, как бы раскинуть руки пошире и взмыть, подобно птице, плыть вверх на спирали воздушного потока, пока не исчезнешь из виду.

Однажды вечером Микал Марголис сделал ей два предложения, и поскольку Персея Голодранина знала, что забыть о небе сможет, лишь забывшись, она приняла оба. Той ночью и двадцать последующих ночей покой горожан нарушали странные шумы из Марголисова обиталища. Частью это был скулеж и долбеж сношений. Другой частью – звуки как будто бы ремонта.

Все стало ясно, когда появилась табличка.

На ней значилось:

ТРАКТИР «ВИФЛЕЕМ-АРЕС Ж/Д»
ЕДА * ПИТЬЕ * СПАНИЕ
СОВЛАДЕЛЬЦЫ:
М. МАРГОЛИС, П. ГОЛОДРАНИНА

– Не сын он мне, – возвестила разъяренная Матушка. – Пренебрегать родной матерью ради чужестранной дешевки и наполнять тихие ночи звуками, которые я и описывать не буду; какой позор на мою голову! А теперь еще это логово греха и содомии! Трактир, ха-ха! Будто родная мать не знает, что это значит! Он думает, родная мать не поймет, что это за ТРАХ-тир! Аран, – обратилась она к будущему супругу, – ноги моей не будет в этом заведении. Отныне он мне не сын. Я от него отказываюсь. – Она чопорно плюнула на землю перед трактиром «Вифлеем-Арес Ж/Д». Тем вечером Персея Голодранина и Микал Марголис закатили грандиозную пирушку по случаю открытия и угощали всех маисовым пивом, кто сколько выпьет, и выпито было немного – гостей пришло всего пятеро. Даже д-ра Алимонтандо убедили оторваться от штудий ради вечернего празднества. Дедуля Аран и Матушка остались присматривать за крошками Лимаалем и Таасмин. Дедуля Аран был бы рад уйти и заслуживал молчаливый укор всякий раз, когда Матушка ловила его мечтательный взгляд в сторону дыма столбом. Тотальный запрет на пересечение порога неизбежно распространился и на мужа.

Назавтра после пирушки Персея Голодранина отправилась вместе с Раджандрой Дасом, м-ром Иерихоном и Раэлем Мандельей за рельсы; эти трое расчленили оцарапанный песком пилотажный самолет и упаковали его в пятнадцать ящиков из-под чая. В процессе расчленения Персея Голодранина не сказала ни слова. Она заперла останки самолета в самой глубокой, самой темной пещере трактира и положила ключ в кувшин. Ей так и не удалось заставить себя забыть о том, где стоял этот кувшин.

Как-то ночью в два ноль два она перекатилась на Микала Марголиса и прошептала ему в ухо:

– Дорогой, знаешь, что нам нужно? – Микал Марголис затаил дыхание в предчувствии обрубальных колец, детей, мелких латексно-кожаных извращений.

– Стол для снукера.

Глава 7

Братьев Галлачелли было трое: Эд, Луи и Умберто. Никто не ведал, кто из них Эд, кто Луи и кто Умберто: они были тройняшки, причем взаимонеразличимые, как горошины в стручке и дни за решеткой. Братья выросли в фермерском поселке Бирма-Шейв, где у граждан было три популярных мнения на их счет. Первое: братьев нашли подкинутыми в картонном ящике на краю кукурузного поля Джованна Галлачелли. Второе: братья – нечто большее, чем тройняшки, хотя что такое это нечто, никто сказать не решался, опасаясь оскорбить праведность миссис Галлачелли. И третье: парни Галлачелли менялись личностями по крайней мере один раз после младенчества, так что Луи вырос либо Эдом, либо Умберто, Умберто – Луи или Эдом, а Эд – Умберто или Луи, плюс всевозможные последующие перестановки и обмены. Мальчики сами не знали, кто из них Эд, кто Луи и кто Умберто, а жители Бирма-Шейва были уверены, что не видали еще настолько идентичных тройняшек (клонов... ой, господи, что это я, само вылетело, нельзя такое говорить при их родителях) и столь дьявольски красивых – тоже.

Аньета Галлачелли – вылитая жаба с сердцем из горячего молочного шоколада. Джованн Галлачелли – высокий, сухой и тощий, как кочерга. Эд, Луи и Умберто – темноглазые, кудрявые смеющиеся боги любви. Они были в курсе. И все девчонки в Бирма-Шейве были в курсе. Вот отчего братья Галлачелли решили покинуть Бирма-Шейв вторничным утром, не дожидаясь восхода, на моторизованной дрезине, которую сами собрали на основе фермерского автофургона.

Жила-была одна девчонка. Магдала, сокращенно Мэгз. Всегда есть такая девчонка, которая флиртует, играет, тусит, и никто не сомневается, что она – одна из мальчишек, пока мальчишки не становятся мальчишками, пока мальчишки – да и она сама – не понимают, что она вовсе не мальчишка, ну вообще. Для Мэгз момент истины настал через две недели после путешествия по сравнительно отдаленным полям в кузове автофургона Галлачелли. Для Эда, Луи и Умберто он настал, когда фургон осыпали мелкой дробью после того, как братья подъехали к участку Майагеса осведомиться, отчего Мэгз так долго к ним не заходит.

Братская солидарность была для Эда, Луи и Умберто путеводной звездой. Ее не поколебали стычки с безропотностью отца и гневом соседа. Братья Галлачелли отказались говорить, кто из них обрюхатил Магдалу Майагес. Очень может быть, что они и сами этого не знали.

– Иль кто из вас признаётся, иль жанитесь на ей все, – сказал Сонни Майагес. Его жена подкрепила требование дробовиком. – Ну, чтой-то? Грите иль жанитесь.

Братья Галлачелли отказались от обеих альтернатив.

Никто и нигде в мире не стал бы терять и секунды сна из-за глупой девчонки вроде Мэгз Майагес. Совсем рядышком, в Белладонне, на одной улице Томболовой насчитывалось восемьдесят пять абортариев и двенадцать воспитательно-трансплантационных бюро для глупых девчонок в таком же, как Мэгз, положении. Однако Белладонна была Белладонной, а Бирма-Шейв – Бирма-Шейвом, потому-то братья Галлачелли предпочли Бирма-Шейву Белладонну. Там они получили десятидолларовые дипломы по сельхознауке, юриспруденции и машиностроению в шарашкином университете. Там и жили бы счастливо до скончания века, если бы не печальное недоразумение с ножом, пьяным челночным грузчиком и девушкой в баре на улице Примаверы. Братья вновь бежали, ибо в Белладонне имелся какой-никакой закон, который за неимением тотальной честной полиции блюла полиция тотально коррумпированная.

Так сеть сияющих стальных рельсов, паутиной опутавшая весь мир, пленила братьев: фермера, юриста, механика. Эд – механик, Луи – юрист, Умберто – фермер. С такими профессиями они могли приехать куда угодно в мире, потому что мир был достаточно молод, чтобы работы хватило на всех и с избытком. Но место, куда они приехали, звалось Дорогой Запустения.

Они соскочили с подножки, ужасно потные, но все еще дьявольски красивые, и метнулись в трактир «Вифлеем-Арес Ж/Д». Один за другим ударили по настольному звонку. Люди оборачивались и глядели на братьев Галлачелли. Братья Галлачелли улыбались и махали руками.

– Эд, Луи и Умберто, – представил всех один.

– Ищем местечко для ночлега, – объяснил второй.

– Чистые постели, горячие ванны и горячие обеды, – сказал третий.

Персея Голодранина показалась из пивного погреба, где прилаживала новую бочку.

– Да? – сказала она.

– Эд, Луи и... – сказал Эд.

– Ищем ме... – сказал Луи.

– Чистые по... – сказал Умберто, и все трое моментально и одновременно почувствовали, что глубоко и страстно в нее влюбились. Есть, видите ли, теория, по которой для каждого из нас найдется человек – абсолютный и совершенный идеал нашей любви. Братья Галлачелли, будучи одной и той же личностью, помноженной на три, конечно, делили на троих общую уникальную любовь: абсолютным и совершенным идеалом их жизни была Персея Голодранина.

Наутро братья Галлачелли явились к д-ру Алимантандо за статусом постоянных жителей. Д-р Алимантандо оделил Умберто большим участком земли, Эда – сараем для починки машин, и поскольку он не мог оделить Луи конторой, или местным судом, или хотя бы уголком в баре для адвокатской практики, он оделил его почти таким же, как Умберто, наделом и посоветовал заняться животноводством – ничего ближе к юриспруденции на Дороге Запустения не было.

Глава 8

У Микала Марголиса была проблема. Он до умопомрачения втюрился в женщину-ветеринара из Дома Двенадцать на той стороне улицы. Но объектом и утолнением его любострастия оставалась Персея Голодранина, партнер по постели и бизнесу. У женщины-ветеринара из Дома Двенадцать, а звали ее Марья Кинсана, тоже была проблема. Марья Кинсана была объектом похоти собственного брата Мортон. Только она не любила ни Мортон, даже как брата, ни Микала Марголиса. Единственной, кого она любила, была она сама. Однако ее себялюбие имело огранку бриллианта и отбрасывало от светящейся Марьи Кинсаны столь многоцветное сияние, что окружающие обманывались и верили, что она любит их, а они любят ее.

Одним из таких обманутых окружающих был брат Мортон Кинсана, одержимый странными наклонностями дантист, чей собственнический инстинкт в отношении сестры никого не мог одурачить. Все знали, что он втайне ее желает, и он знал, что он втайне ее желает, и она знала, что он втайне ее желает, а когда столько людей в курсе, говорить о тайном желании не приходится. Но благоговение и собственнический инстинкт Мортон Кинсаны были столь велики, что он не мог заставить себя и пальцем коснуться сестры. Оттого Мортон Кинсана на расстоянии вытянутой руки горел в аду неудовлетворенности. И чем дольше горел, тем жарче становилось пламя одержимости. Как-то вечером он поймал сестру на флирте с братьями Галлachelли: она смеялась над их грубым фермерским юморком, пила их напитки, касалась их грубых уродливых рук. Тогда же и там же Мортон Кинсана поклялся, что не станет лечить братьев Галлachelли, даже если они будут умолять его и орать от зубной боли; даже если агония гниющего дентина высвободит в них зверя, и они будут биться головами о стены; нет, он их прогонит, прогонит не мешкая, обречет на стенания, мучения и скрежет зубовой за то, что они подбивали свои похотливые клинья к его сестре Марье.

Другим таким же дураком был Микал Марголис. Из-за матери он очень долго не мог обрести счастья в любви. Едва мать объявила о своей помолвке, Микал Марголис обрел счастье в любви, счастье с энергичной, жизнерадостной, ненасытной Персией Голодраниной. Потом с еженедельного меридианского товарняка сошли Мортон и Марья Кинсаны. Микал Марголис, забирая со станции пивные бочки и ящики со спиртным, заметил высокую мускулистую женщину, покидающую перрон с природной грацией и потаенной мощью гепарда. Их глаза встретились и разошлись, но в миг контакта Микал Марголис ощутил, как разряд позвоночного электричества переплавляет самый сердечник его сердца, хранящий всю порядочность и честность, в толстый слой черного стекла. Он любил ее. Он не мог думать ни о чем, кроме того, что любит ее.

Когда д-р Алимонтандо оделил Кинсан пещерой, Микал Марголис ринулся помогать им строить дом. «Эй, ты, может, лучше стойку протрешь и бокалы помоешь?» – спросила Персея Голодранина. Микал Марголис махнул рукой и ушел. Когда д-р Алимонтандо оделил Кинсан участком под огород, Микал Марголис приходил и окапывал, дренировал, запруживал, пока не всходило сверкавшее алмазами лунное кольцо. «Не подашь посетителям пива?» – говорила Персея Голодранина. – Не сварганишь кой-какой ужин для изголодавшихся?» И когда Мортон Кинсана с сестрой пришли в трактир «Вифлеем-Арес Ж/Д», Микал Марголис принес им по пиале горячего плова с бараниной и столько бесплатного пива, сколько в них поместилось, а потом шутил и болтал с ними, пока трактир не закрылся. Когда в трактире заболела курица, и ее, предназначавшуюся в вечерний суп, Микал Марголис отнес Марье Кинсане; та стала тыкать и щупать курицу, а он предался фантазиям, в которых ветеринар проделывала это же самое с ним. Той осенью у Марголиса и Голодраниной животные заболевали часто.

И все-таки Микал Марголис не был счастлив. Он колебался между любовью доброй женщины и любовью злой женщины, как крошечный кристалл кварца, отсчитывающий время.

Персея Голодранина, вся в заботах и невинная, словно орлица в небе, спросила мужа, не заболел ли он. Микал Марголис застонал, и то был стон беспримесной неутоленной похоти.

– Может, тебе показаться кому-нибудь, любовь моя, последние дни ты совсем не думаешь о работе. Как насчет той женщины, ветеринара? Люди, в конце концов, тоже вид животных, разве нет? Она могла бы тебе помочь.

Микал Марголис обратил взор на Персею Голодранину.

– Ты издеваешься, да? – Нет. Чесслово.

Микал Марголис застонал пуще прежнего.

Что до Марьи Кинсаны, ей было все равно. Именно так, все равно, и она с неприязнью смотрела на любого слабака, который в нее влюблялся. Она презирала братца-придурка, она презирала глупого мальчика из трак-тира. Но не принять вызов не могла. Марья Кинсана отобьет глупого мальчика у боготворящей его простушки, с которой он живет и которую любит. Игра, всамделишная игра; фигуры в ней неважны, важен только двигающий их разум; разум – и еще победа, ибо, победив, Марья Кинсана будет презирать проигравших пуще прежнего. Одним вдохновенным гамбитом она восторжествует и над Микалом Марголисом, и над проклятым братцем. Тогда Марья Кинсана наконец отлепится от братца, и мир узнает ее имя. «Приглядывай за Мортонем, – изрекла на смертном одре ее железная мать, – приглядывай за ним, заботься о нем, внушай, что он все решает, но не давай ему решать на самом деле. Марья, это приказ».

Забота о Мортоне, забота о Мортоне; да, Марья Кинсана вот уже пять лет исполняла волю покойной матери. Она последовала за Мортонем в пустыню после истории с маленькой девочкой в парке, но должен настать час, мама, когда Мортон обретет самостоятельность – и тем же утром Марья Кинсана сядет на первый поезд до Мудрости.

Вот почему так важны игры. Они ее развлекают, удерживают в здравом уме пять лет, пока безумная страсть Мортоня становится все безумнее, дарят надежду на то, что благодаря им она станет сильной и сядет однажды утром на поезд до Мудрости. О да, игры хранят ее рассудок. Так что она исхитрялась каждый день кормить кур в один и то же час, когда через улицу на заднем дворе трактира Микал Марголис кормит своих. Именно игра вела ее, когда она попросила его посмотреть метановый реактор, что-то он барахлит, хотя по-хорошему ей нужен был Раджандра Дас.

– Проблемы с химией, мисс, – сказал Микал Марголис, – кто-то загрузил в него большой объем использованного стерилизатора и подавил бактериофагов. – Марья Кинсана улыбнулась. Утром она вылила в бак реактора три бутылки медицинской стерилизующей жидкости. Игра выходит на славу. Из благодарности Марья Кинсана пригласила Микала Марголиса на рюмку, потом на разговор, потом в кровать (Микал Марголис все это время дрожал как тростник), потом к сексу.

И в этой-то кровати пролилось семя гибели Дороги Запустения.

Глава 9

Нелады между Сталиными и Тенебриями начались, когда те и другие обнаружили, что им сбыли один и тот же кусок земли в идиллическом, райском городке Дорога Запустения; сделал это м-р Э. П. Венкататчалум, бывший агент по продаже земельных участков Бюро Иммиграции и Колонизации Венкататчалума, ныне сидевший в белом кабинете и отвечавший на вопросы инспектора Цзень Саопина из Констебулярии Блерио. Сталины и Тенебрии не просто купили один и тот же участок земли (который м-р Э. П. Венкататчалум вообще не имел права продавать), вдобавок они купили два комплекта билетов на одни и те же места в купе Солнцеворотного Ночного на 19:19, остановки в Северном Бенгороде, Анненси, Мёрчисонвилле, на Новопредприятии, Станции Уолламурра и Дороге Запустения. Оба семейства никак не желали уступать. Проводник купейного вагона заперся в своем купе и на полную громкость врубил беспровод. Пусть сами уладят свои споры. Выспаться в 36-м вагоне Солнцеворотного Ночного было невозможно. Пять человек с багажом пятерых пытались ужитья в купе, рассчитанном на троих с багажом троих. В первую ночь спальное место получил только маленький Джонни Сталин, возраст 3 3/4. И по очень простой причине: этот легковозбудимый толстый комок плоти мог орать, и орать, и орать до посинения, пока не получил бы свое спальное место. Мать без лишних слов скормила сыну три или четыре взрослые таблетки от бессонницы, чтобы он стал спокойным и послушным мальчиком. Комок плоти по имени Джонни Сталин был избалованным, наркозависимым и легковозбудимым.

Следующий день проходил в щетинистом молчании, пока Гастон Тенебрия ровно в 14:00 не прочистил глотку и не сказал, что было бы здорово, если бы все спали посменно. Они с супругой Женевьевой проводили бы ночи сидя и спали бы весь день, если бы Сталины сидели весь день и спали всю ночь.

Договоренность казалась по крайней мере общепримирающей. Затем всех подчинила себе четкая, суровая логистика спального купе. Одну постель сворачивают, освобождая место для двух сидящих, еще трем телам достаются два спальных места. В следующую смену сидят трое, а двое спят в комфорте. М-р и миссис Сталины ерзали и ворчали на тесной до невозможности постели, маленький Джонни астматически храпел, Гастон и Женевьева Тенебрии вели милые частные споры, яростно перешептываясь и сдержанно, но агрессивно жестикулируя, а поезд клацал и бряцал, давал задний ход и переформировывался, образуя новые составы, и вот такими-то скачками и рывками подъезжал все ближе к Дороге Запустения.

Утром третьего дня натужная перемена сидячих и стоячих мест стала формальным поводом к началу военных действий. Женевьева Тенебрия обвинила юного Джонни Сталина в попытке заглянуть ей под юбку в момент вскарабкивания по лесенке на верхнюю полку. М-р Сталин обвинил Гастона Тенебрию в перебирании багажа в часы, когда его, м-ра Сталина, семья предположительно спала. Гастон Тенебрия обвинил м-ра Сталина в непристойном подкатывании к его, Гастона Тенебрии, красавице-жене в очереди в туалет второго класса. Миссис Сталин обвинила миссис Тенебрию в мухлевании в безик. Вихри спора крутились совсем как вихри снега, обещая лютую зиму; и продлилась она весь четвертый день и всю четвертую ночь.

– Дорога Запустения! – закричал проводник, перестав прятаться и стуча по двери серебряным карандашом. Тук-тук-тук. – Дорога Запустения! Три минуты! – Тук-тук-тук.

На две минуты тридцать секунд воцарилась парадоксальная анархия: Сталины и Тенебрии просыпались-умывались-одевались-собирали-сумки-книги-ценные-вещи-пухлых-сыновей-толклись-тряслись-плелись по узкому тамбуру сквозь узкую дверь в жидкий просторный семичасовой рассвет. Все это без единого взгляда в окно, не глядя, куда прибыли, и это жаль: посмотри они в окно, может, и с поезда сходить не стали бы. А когда взглянули, увидели...

– Зеленые лужайки, – сказал м-р Сталин.

- Тучные фермерские уголья, алчущие плуга, – сказал Гастон Тенебрия.
- Воздух, напоенный ароматом миллионов цветов, – сказала миссис Сталин.
- Тихий, безмятежный рай на земле, – сказала Женестьева Тенебрия.

Джонни Сталин глазел на сияющий белый саман и ожженную красную почву, отблески светила на солнечных батареях и застывшие скелеты насосных опор. Затем сморщил личико, как выжимаемую досуха мокрую губку, и изготовился к припадку ора.

– Ма! – заныл он. – Я не... – Миссис Сталин отвесила сыну смачную затрещину по левому уху. Он завопил еще яростнее, и по этому сигналу Сталины и Тенебрии обрушили друг на друга огневой вал язвящих инвектив, оставляя на близстоящих стенах подпалины. Джонни Сталин вразвалку отошел оплакивать горе наедине с собой: его не замечали, а значит, не любили. Лимааль и Таасмин Мандельи наткнулись на него, надутого, как индюк, около главного мета-нового реактора, когда носились туда-сюда в поисках новых игрушек для нового дня.

- Привет, – сказал Лимааль. – Ты новенький.
- Как тебя зовут? – спросила Таасмин, на сорок восемь секунд старше брата.
- Джонни Сталин, – сказал Джонни Сталин.
- Ты сюда надолго?
- Наверно.

– Тогда мы покажем тебе, где тут можно играть, – сказала Таасмин, и двое проворных, гибких детей взяли бледного пухлика Джонни Сталина за руки и показали ему изумительную свинскую лужу, водяные насосы, оросительные каналы, по которым круто гонять игрушечные кораблики, загончики, в которых Раэль Манделья держал детенышей животных из своего эмбрионабора, а также ягодные кусты, которые можно объедать, пока не затошнит, и никто не рассердится вот ни на столечко. Они показали Джонни Сталину дом д-ра Алимандандо, и самого д-ра Алимандандо, очень высокого, очень старого и очень милого, просто до жути, и д-р Алимандандо вернул пятнистого от грязи, дерьма, воды и ягод мальчика препиравшимся родителям и сделал их постоянными жителями Дороги Запустения. Первые две ночи они провели в трактире «Вифлеем-Арес Ж/Д», пока д-р Алимандандо размышлял, как же с ними быть. Наконец он призвал самых доверенных друзей и советчиков: м-ра Иерихона, Раэля Манделью и Раджандру Даса – и все они вместе, не без помощи Достойных Предков м-ра Иерихона, пришли к ошеломительно простому решению.

Дорога Запустения слишком мала, чтобы позволить себе роскошь большого города вроде враждующих семейств. Сталины и Тенебрии должны научиться жить вместе. Поэтому д-р Алимандандо выделил им дома по соседству и участки с длинной общей границей и одним-единственным водяным насосом. Довольный собственной соломоновой премудростью, д-р Алимандандо вернулся в погодную комнату к изучению времени, пространства и всего остального.

Глава 10

- Папочка, расскажи еще раз, зачем мы едем в это место?
- Чтобы нас не нашли злые люди, которые говорят плохо о тебе и обо мне, те, кто хочет тебя у меня забрать.
- Папочка, расскажи еще раз, почему эти люди хотят меня у тебя забрать.
- Потому что ты моя доченька. Потому что они говорят, что ты противоестественна, урод, инженерный эксперимент, моя певчая птичечка. Потому что они говорят, что ты родилась вне закона, и за это я должен быть наказан.
- Но, папочка, расскажи еще раз, почему тебя должны наказать? Разве я – не твоя доченька, не твоя певчая птичечка?
- Ты моя певчая птичечка и ты моя доченька, но они говорят, что ты всего лишь... кукла, или машинка, или любая другая искусственная вещь, и что закон этих людей запрещает человеку иметь такую дочь, дочь, которую он сделал для себя сам, даже если он любит ее больше жизни.
- И ты любишь меня больше жизни, папочка?
- Люблю, моя вишневая косточка, и поэтому мы с тобой бежим от злых людей, потому что они заберут тебя у меня, а я этого не переживу.
- И я, папочка, я не смогу жить без тебя.
- Значит, мы будем вместе, да? Всегда.
- Да, папочка. Но расскажи еще раз, что это за место, куда мы едем?
- Оно зовется Дорога Запустения, и оно такое крошечное и так далеко, что мы знаем о нем только по дошедшим до нас историям.
- И вот туда-то мы и едем?
- Да, кошачья лопаточка, в место на краю этого мира. На Дорогу Запустения.

Мерedit Синяя Гора и его дочка Рути – тихие люди. Простые, неприметные, незаметные. В плацкарте третьего класса медленного транспустынного стоппера Меридиан – Белладонна они невидимы за штабелями багажа других людей, курами других людей, детьми других людей и другими людьми. Никто с ними не говорит, никто не спрашивает, можно ли сесть рядом или разместить на них багаж-кур-детей-себя. Когда они сходят на крошечной пустынной станции, никто не замечает, что их уже нет, больше часа, и даже тогда другие люди не могут вспомнить, как выглядели их попутчики.

Никто не заметил, как они сошли с поезда; никто не видел, как они прибыли на Дорогу Запустения, даже Раджандра Дас, который назначил себя начальником станции и встречал каждый поезд, прибывавший на эту его обтерханную станцию; никто не заметил, как они вошли в трактир «Вифлеем-Арес Ж/Д» в двадцать двадцать. Затем трактир наполнило нечто, весьма смахивающее на контролируемый взрыв света, и в эпицентре ослепительного сияния обнаружилась прекраснейшая женщина, какую кто-либо когда-либо видывал. Все мужчины в помещении тяжело сглотнули. Все женщины боролись с невыразимой надобностью вздохнуть. Дюжина сердец треснула ровно посередине, и любовь жаворонками вылетела и закружилась возле невероятного создания. Будто Сам Господь переступил через порог.

Потом Бог-свет погас, и наступила моргающая, глазопротирательная тьма. Восстановив зрение, все и каждый увидели маленького, самого обычного мужчину и с ним девочку лет восьми, простейшую и зауряднейшую девочку, какую кто-либо когда-либо видывал. Ибо такова была природа Рути Синей Горы – ошеломительной посредственности: вбирать, как солнечный свет, красоту всего вокруг себя и запасаться ею, пока не надо будет ее высвободить, всю разом, вспышкой ярчайшей красоты. Потом Рути Синяя Гора возвращалась в состояние неказистой анонимности, оставляя после себя на сердце остаточное ощущение невыразимой

потери. Такова была первая тайна Рути Синей Горы. Вторая заключалась в том, что такой, как она есть, ее создал в генезис-бутыли отец.

Разговоры о примечательных феноменах в трактире не успели утихнуть, когда Мередит Синяя Гора и его дочь пошли к д-ру Алимандандо. Великий человек работал в погодной комнате, густо украшая стены выполненными в угле неудобочитаемыми алгебраическими символами.

– Я Мередит Синяя Гора, а это Рути, моя доченька, – тут Рути сделала книксен и улыбнулась так, как они с терпеливым отцом репетировали в трактирном номере. – Я скотовод из Марсарыта, прискорбно не понятый тамошним обществом. Моя доченька – она для меня важнее всего на свете, но ей нужно убежище, ей нужна защита от жестоких и злющих людей, потому что моя доченька, увы, бедное и простое создание, застывшее в умственном возрасте пяти лет. Оттого я и прошу убежища для себя и бедной доченьки, – так умолял Мередит Синяя Гора.

Д-р Алимандандо протер очки.

– Мой дорогой сэр, я более чем понимаю, что значит быть не понятым обществом, и могу заверить вас, что Дорога Запустения не отказывала никому и никогда. Бедные, нуждающиеся, гонимые, отчаявшиеся, голодные, бездомные, нелюбимые, виновные, снедаемые прошлым, – у нас есть место для всех. – Он обратился к стене погодной комнаты и сверился с генеральным Пятисотлетним Планом, которому угрожала обступившая его математика. – Значит, ваше место – Делянка 17, Пещера 9. Снеситесь с Раэлем Мандельей насчет сельхозинвентаря и м-ром Иерихоном насчет постройки дома. Пока он строится, можете бесплатно жить в трактире. – Он передал Мередиту Синей Горе свиток. – Документы на гражданство. Будет время – заполните и передайте мне или Персее Голодраниной. И не забывайте два правила. Правило первое: стучите, прежде чем войти. Правило второе: не кричите во время сиесты. Соблюдайте эти правила – и вы будете здесь счастливы.

Тогда Мередит Синяя Гора взял дочь и пошел проводить м-ра Иерихона, который обещал дом через неделю – с водой, газом из общинного метанового реактора и электричеством от общинной гелиоустановки; и Раэля Манделью, который одолжил им тяпку, лопату, киркомотыгу, а также семена, клубни, ризомы, черенки и корневища в ассортименте. Еще он выдал им культуры ускоренного роста для свиней, коз, кур и лам из своего клеточного фонда.

– Папочка, скажи, мы будем жить в этом месте всегда?

– Да, моя кошачья лопаточка, да.

– Оно милое, но суховатое, да ведь?

– Так и есть.

Рути говорила глупости и банальности, но чего Мередит Синяя Гора мог ждать от девочки в умственном возрасте пятилетней? Так или иначе, он любил ее глупые вопросы. Он любил ее преданную зависимость и полнейшее обожание, но иногда жалел, что не создал ее с коэффициентом интеллекта повыше.

Глава 11

В первый день Года Второго Матушка и дедуля Аран поженились под трехгранным тополем в саду д-ра Алимантандо. День был ясный, свежий, голубой, как и пристало первому дню весны. Но на Дороге Запустения почти все дни были ясны, свежи и голубы. Д-р Алимантандо совершил обряд, Раэль Манделья был шафером, Эва Манделья и маленькая Таасмин – подружками невесты, а Микал Марголис охотно выдавал невесту замуж.

– Ты должен выдать замуж родную мать, – проворковала Матушка во время их единственной встречи после прибытия на Дорогу Запустения.

– Я, мамочка? Уж конечно, ты могла бы найти кого получше?

– Я пыталась, Мишка, пыталась, но разве найдется кто достойнее сына, чтобы выдать замуж родную изнуренную мать? Выдавать меня будешь ты.

Микал Марголис не мог сказать матери «нет». Он согласился, несмотря на презрение, которым Персея Голодранина одарила его слабость, и матушкины прощальные слова:

– Ах, и не забудь, мой Мишка, что для твоей матери это особенный день, я не хочу испортить его присутствием этой дешевой женщины легкого поведения, ты меня понял?

Вот почему Персея Голодранина стояла в заднем ряду, пока д-р Алимантандо читал свою речь. Он написал ее сам. Он считал, что она отлично звучит. Д-ру Алимантандо нравилось думать, что для чтеца у него дивно хороший голос. После речи и подписей, обмена кольцами и возложения венцов состоялась вечеринка.

То была первая вечеринка в истории Дороги Запустения, и по этой причине ей полагалось быть лучшей. Над ямами пылающих углей целиком жарили ягнят, для любителей чего-нибудь погрызть циркулировали подносы с лукумом и фаршированными финиками, дымились огромные чаны с матоке и кускусом, глотки гуляк услаждались стаканами прохладного фруктового пунша. К веткам трехгранного тополя привязали ленты со сладостями, и дети срывали их, подпрыгивая. Лимааль и Таасмин, проворные обезьянки, вскоре до тошноты объелись ирисочными ангелками. Пухлик Джонни Сталин, несмотря на возрастное преимущество, не ухватил ни одной и омерзительно проскулил под столом весь остаток вечера.

Когда первые звезды продырявили купол ночи, были зажжены бумажные фонарики в деревьях и повешены на ветви маленькие клетки с живыми светляками внутри. Дети раскачивали ветви, тыкая в них длинными соломинами; казалось, галактика неярких зеленых звезд выпала из лунного кольца и запуталась в деревьях. Затем произошло самое чудесное событие вечера. Раджандра Дас и Эд Галлачелли вкатили массивный беспровод, который тайно собрали к свадьбе в упаковочном ящике Раэля Манделья. Отвесив щедрый поклон, Раджандра Дас возвестил:

– Леди и джентльмены, счастливые молодожены, дорогие друзья, объявляются танцы! Музыка!..

Эд Галлачелли повертел верньер, и зазвучала музыка – скрипучая, далекая, дисгармоничная, но музыка. Гуляки выжидательно задержали дыхание. Раджандра Дас дотронулся кодовыми пальцами до верньера, беспровод внятно и блаженно охнул, музыка полилась потоком; мощная, настойчивая, такая, что ноги сами пускались в пляс. Раздались возгласы. Раздались аплодисменты.

– Потанцуем? – спросил дедуля Аран невесту. Матушка зарделась и присела в реверансе. Тогда дедуля Аран сгреб ее в охапку, и мгновение спустя они закружились в урагане юбок и шелке ручной выделки по топтанной-перетоптанной земле. Остальные, вдохновившись их примером, нашли себе партнеров и танцевали-танцевали-танцевали под удалые, сырые мелодии Западной Солнцеворотной Посадки. Д-р Алимантандо повел Эву Манделью в тягучий, величавый фолкданс своей родины, Второзакония. Вечно боящийся материнского порицания

Микал Марголис танцевал с Марьей Кинсаной, которая улыбалась и прижималась к нему так, что он отплясывал остаток вечера с болезненной эрекцией. Сталины и Тенебрии танцевали с надлежащими партнерами и комментировали неуклюжесть и несуразность врагов, хотя Жене-вьева Тенебрия ненадолго завертелась вихрем с м-ром Иерихоном, отличавшимся, решила она, изумительной прыткостью. Брошенная на этот вечер Персея Голодранина танцевала с каждым из братьев Галлачелли и видела одно и то же лицо столько раз, что ей казалось, будто она все время кружится с одним и тем же мужчиной. Лимааль и Таасмин Мандельи с неиссякаемой энергией гарцевали друг подле дружки, а Джонни Сталин рыскал вокруг, прикарманивая объедки.

Они плясали, и плясали, и плясали под торопливыми лунами, пока диктор не сказал, что станция уходит из эфира и он желает всем спокойной ночи.

– Спокойной ночи! – сказали все.

– Пииииииииииииииииии, – сказал беспровод.

И все предались спокойной ночи.

– Ночь лучше не бывает, – сказал Раджандра Дас м-ру Иерихону, когда они пьяно ковыляли каждый по направлению к своей кровати. И все Достойные Предки были согласны.

Брак Матушки и дедули Арана был прекрасен, и все, кто их видел, ощущали свечение любви, окружавшей супругов, когда они были вместе и чему-то радовались. Но радость супругов была неполной, ибо в самом сердце ее таилась тень. Однажды эта тень была явлена миру в речах Матушки, укутанной ввиду прохладного вечера в багровую фланелевую пижаму.

– Аран, я желаю ребенка.

Дедуля Аран поперхнулся горячим шоколадом.

– Что?

– Почему у нас не может быть ребенка, дорогой муженек? Маленького, идеального ребенка...

– Женщина, войди в ум. Мы слишком стары для детей.

– Но, Аран, это Двенадцатая Десятилетка, чудеса случаются каждый день. Это эпоха возможного, говорят нам, стало быть, для нас все возможно, нет? Скажи, мой мужчина, ты хочешь ребенка?

– Ну... было бы здорово, но...

– Муженек, для этого-то я и живу! Ах, быть женой прекрасно, но и быть матерью – тоже! Аран, скажи, если я найду способ вынашивать детей, ты согласишься на ребенка? согласишься?

Ошибочно полагая, что он наблюдает мимолетный каприз новобрачной, дедуля Аран отставил кружку, повернулся в постели на бок и пробурчал:

– Конечно, дорогая, конечно. – Вскоре он уснул. Матушка же сидела на кровати до рассвета. Ее глаза светились и сверкали, как гранаты.

Глава 12

Мало что на Дороге Запустения ускользало от внимания Лимаалья и Таасмин из клана Манделья. Осажденный алгеброй в погодной комнате д-р Алимандандо не успел навести оптикон, а близнецы уже заметили пылевой шлейф на краю другой половины мира за рельсами. Они поспешили с известием к д-ру Алимандандо. После того, как их настоящий дед сыграл свадьбу, д-р Алимандандо стал в их глазах куда более совершенным дедушкой: с толикой чародейства, добрым, но и внушающим некоторый трепет. Д-р Алимандандо слушал, как Лимааль и Таасмин топочут по винтовой лестнице, и был счастлив. Ему очень нравилось быть дедушкой.

В оптиконе пылевой шлейф принял форму гусеницы с огуречным орнаментом; при сильном увеличении гусеница предстала грузовиком и двумя фургонами, что мчались по сухим равнинам, приближаясь с огромной скоростью.

– Глядите, – сказал д-р Алимандандо, указывая на дисплей. – Что там написано?

– РОТЭХ, – сказал Лимааль, в котором проросли семена рационализма.

– «Сердце Лотиана: Генетическое Образование», – сказала Таасмин, точно так же зараженная мистицизмом.

– Пойдем встретим это Сердце Лотиана, а? – предложил д-р Алимандандо. Дети взяли его за руки – Лимааль справа, Таасмин слева – и повлекли вниз по крутой винтовой лестнице и дальше, под обжигающий солнцепек, каким тот бывает в четырнадцать четырнадцать. Прочее население их опередило, но в отсутствие номинального главы не знало, что ему делать, и неуверенно стояло вокруг да около, слегонца благоговей от слова РОТЭХ на капоте трактора с огуречным орнаментом. Огромная круглая женщина с лицом картофелиной протягивала визитки.

– Добро пожаловать на Дорогу Запустения, – сказал д-р Алимандандо, учтиво кланяясь. Дети собезьянничали. – Алимандандо.

– Рада познакомиться, – сказала большая-пребольшая женщина. Изъяснялась она с необычным акцентом, который никому ничего не говорил. – Сердце Лотиана: генетический инженер, консультант по гибридизации, офицер Службы Евгенического Просвещения РОТЭХа. Спасибо. – Женщина склонила свою объемистую массу по очереди перед д-ром Алимандандо, Лимаалем и Таасмин. – Одна деталь, – сказала она, – этого места нет ни на одной карте... вы точно зарегистрировались в Бюро Развития?

– Ну, – сказал д-р Алимандандо, – эм-м...

– Неважно, – прогудела Сердце Лотиана. – Мы все время на такое натыкаемся. Когда вернусь, утрясу все с парнями Китай-Горы. Вечно одно и то же, но как по мне, фигня война. Вот... – Она передала каждому по визитке и крикнула, будто грянул гром: – Карточки в ваших руках дают право на одно бесплатное посещение, с бокалом вина, Бродячего Цирка Генетического Просвещения Сердца Лотиана: вы увидите все чудеса современной биотехнологии, совершенно бесплатно, от щедрот совета регионального развития РОТЭХа. Налетай-торопись! Приводите семью, стар и млад, мальчик и муж, по одному и компаниями, гляньте, как РОТЭХ может помочь вам на плантации, на огороде, в саду, на пастбище, с вашей скотиной и вашей животиной, с птичками-зверьками-кустиками, – все на Великое Огуречно-Орнаментальное Биотех-Шоу! Двери откроются в двадцать ноль-ноль. Первый десяток получит бесплатные значки, наклейки и постеры РОТЭХа! Кепки для детей, каждому по бокалу вина бесплатно! Потом, – прибавила она, подмигивая, – я покажу, как это вино приготовить.

В 20:00 все мужчины, женщины и дети Дороги Запустения стояли в очереди в бродячий цирк Сердца Лотиана. Цирк из трактора и двух фургонов каким-то образом распустился шатром с огуречным орнаментом и блистал неоновыми огнями. В сотне метров над куполом парил на привязи гелиевый шар с длинным развевающимся баннером, прославляющим улады Бродячего Цирка Генетического Просвещения Сердца Лотиана. Из динамиков неслась

ритмичная плясовая музыка. Все были взбудоражены, но не плодами, которые могут пожать мелкие хозяйства (Раэля Манделью все больше тревожило истощение эмбриобанка и последующий инбридинг городского скота), а потому, что в городке на десять домов прибытие еженедельного поезда – и то знаменательно, а уж явление бродячего цирка потрясает не меньше, чем если бы Панарх и все хозяева Пяти Небес промаршировали по Дороге Запустения под флейты и барабаны.

В двадцать двадцать Сердце Лотиана отворила двери, и толкающаяся, пихающаяся толпа ворвались внутрь. Каждый заимел сумку с кучей РОТЭХовских ништяков: учитывая невеликое население Дороги Запустения, ограничить щедроты первым десятком было несправедливо. С бокалами вина в руках люди взирали на чудеса РОТЭХовской генетики. Они изумлялись гормонам плодородия, позволявшим козе рожать по восемь козлят за раз; они дивились клонкомплектам, что выращивали живых кур из скорлупы и перьев; они ахали и охали при виде ростоускорителей, доводивших любое живое существо, будь то растение и животное (даже и человека, сказала Сердце Лотиана), до полной зрелости за пару дней; они поражались спроектированным бактериям, которые пожирали камень, испражнялись пластиком, лечили болезни растений, генерировали метан и превращали песок в железо; они таращились на ферментарий Сердца Лотиана – большущий мешок с искусственной плотью, переваривающий любые формы бытовых отходов и источающий из сосков на выбор красное, белое, розовое вино; они боязливо крались в полутемное помещение с табличкой «Чудовищное Месиво» и делали вид, будто их чувства задеты генетическим месивом, которое таилось, порывивало и ползало в благоприятных для себя средах. Напялив оранжевые бумажные козырьки с напечатанным словом РОТЭХ и колесом св. Екатерины о девяти спицах (то и другое черное), Лимааль, Таасмин и Джонни Сталин провели в этом помещении много часов, дразня агапандусов, шелкавших метровыми челюстями, и драконов, рыгавших шариками ведьминоного огня. В конце концов сама Сердце Лотиана вывела их прочь, заметив, что Лимааль и Таасмин пытаются вынудить Джонни Сталина испустить скопление газов в низкотемпературную клетку летучих пиранийшей.

Люди оставались в цирке долго, слишком долго для фермеров, что встают и берутся за дело на заре. Люди задавали вопросы, оставляли заказы, брали охапки бесплатной литературы, которой было в избытке, и выпивали бокал за бокалом превосходного красного, белого и розового от Сердца Лотиана. Раэль Манделью купил гуртом по дешевке зародышевой плазмы («гарантированно сильнее и здоровее», – сказала Сердце Лотиана), чтобы пополнить мельчающие запасы. Братья Галлачелли, перепив красного, белого и розового, спросили Сердце Лотиана, может ли та сынженерить для них по одинаковой жене, совершенной в любой физиологической мелочи. Сердце Лотиана гоготала так, что братья пулей вылетели из кабинета, хотя и успели услышать, что Сердце Лотиана будет рада увидеть их после свертывания цирка, если они хотят протестировать совершенство ее обильной плоти. М-р Иерихон и его Достойные Предки вели с Сердцем Лотиана насыщенную и высокопарную беседу более часа, Мередит Синяя Гора купил какое-то бактериальное удобрение для картофеля, Тенебрии и Сталины приобрели огромных мерзких личинок разных видов, чтобы подгадить соседскому саду, Персея Голодранина заказала мусороядную домашнюю винодельню (пусть даже Великое Огуречно-Орнаментальное Биотех-Шоу мучительно напомнило ей о многожды оплаканном Поразительном Воздушном Цирке Голодраниною), ну а последней явилась Матушка.

Все неонки погасли, тенты и огуречно-орнаментальные шатры были убраны в фургоны, братья Галлачелли без толку прятались под ветряным насосом, и звезды сияли ярко-ярко, когда Матушка пришла к Сердцу Лотиана.

– Мадам, я видела ваши диковины и чудеса, и, да, они правда диковинны и чудесны, все эти современные штуковины, но я интересуюсь, мадам, может ли вся эта наука и техника дать мне то, что я желаю больше всего на свете, то есть ребенка.

Сердце Лотиана, вылитая мать-земля, изучала Матушку, крохотную, как пустынный воробышек.

– Леди, понести вы не можете. Просто вот никак. Но это не значит, что у вас не может *быть* ребенка. Его пришлось бы вынашивать вне тела, и я могла бы использовать какой-нибудь плацентарий для скота, вероятно, коровий; вы в курсе, что коров частенько использовали для суррогатного материнства? Я могла бы оплодотворить яйцеклетку *in vitro*, это элементарно, это и вам по силам; отыскать внутри вас яйцеклетку явно не проблема; если и это не удастся, я бы склеила несколько клеточных образцов... Ваш супруг – он еще активен?

– Простите?

– Леди, я могла бы получить от него образец спермы?

– Это он сам вам поведает. Только скажите, возможно ли, чтобы у меня был ребенок?

– Абсолютно. Генетически он будет вашим, хотя вы не будете вынашивать его в своем теле. Если готовы идти дальше, приходите завтра в 19:00 вместе с супругом.

– Мадам, вы сокровище.

– Я всего лишь делаю свою работу.

И Матушка прокралась в ночь, а братья Галлачелли прокрались в обратном направлении. Ни ухода, ни прихода не заметил никто.

Точно так же никто не видел, как три дня спустя Матушка несла домой плацентарий в бельденской банке.

– Супруг мой Аран, у нас есть ребенок! – выдохнула она и смахнула неброский кусок ткани, обнажая стеклянную банку, а в ней – мясистое красное пульсирующее нечто.

– Этот, это, эта... жертва аборта – наш ребенок? – проревел Аран Манделья, хватаясь за крепкую трость, чтобы разбить скверну. Матушка вклинилась между разъяренным мужем и мокрой, хлюпавшей искусственной маткой.

– Аран Манделья, супруг, это мой ребенок, он мне дороже всего на свете, и если ты хоть пальцем тронешь банку без моего согласия, я уйду и никогда не вернусь.

Решимость дедули Арана дрогнула. Трость затряслась в руке. Перед ним стояла Матушка, маленькая и дерзкая, как черный дрозд. Ее сладкие речи его успокоили.

– Она будет красавицей, наша дочь, она станет танцевать, она станет петь, она сделает мир светлее своей красотой, наша дочь; дочь Арана и Анастасии Тюрищевой-Мандельи...

Дедуля Аран поставил трость на стойку для трости и пошел спать. На окне, там, где его будет нежить заря, трепыхался и причмокивал плацентарий.

Однако совсем незамеченными полуночные похождения Матушки не прошли. Прознав о том, что Сталины заказали у Сердца Лотиана огромных мерзких личинок, Тенебрии пришлось беречь огород от вражеских личиночных набегов. В ночь, когда Матушка завладела бластоцистой, личиночный дозор несла Женестьева. Увидев старушку со свертком в руках, она благодаря безошибочно точному прозрению поняла, что за дело привело Матушку к Сердцу Лотиана. И сердце самой Женестьевы Тенебрии растрескалось и раскололось от зависти.

Женестьева Тенебрия не доверяла мужу. Она не доверяла ему, потому что он отказывался дарить ей ребенка: ее ребенка, который завязал бы ее семью крепким гордиевым узлом уюта, ее ребенка, который сделал бы ее саму ровней чертовым снобам Сталиным, да и чем они вообще гордятся, их единственный сынок – ходячий чан с топленным жиром, толстяк и сопляк, злобный и избалованный по самое не балуйся. Ребенок подарил бы Женестьеве Тенебрии все, чего она хотела, но Гастон Тенебрия никогда не подарит ей ребенка.

– Ребенок, ребенок, все, чего я хочу, – ребенок, почему ты не подаришь мне ребенка? – Каждый божий день ныла она, и каждый божий день Гастон Тенебрия предьявлял в ответ какой-нибудь шаткий повод, папиросную бумагу лжи, скрывавшую эгоизм, да, эгоизм, простой и чистопробный, а теперь эта карга, эта ведьма, эта Манделья-по-мужу с иссохшим лоном заимела ребенка, которого не способна вынашивать физически, а ведь у Женестьевы Тенебрии

лоно плодородно, как Чернозем Окса, но нет семени, что в нем проросло бы; это нечестно; нет, совсем нечестно, – и тут идея осенила женщину, что пряталась за кучкой карликовых кустов матоке в личиночном дозоре, идея, ужасная прекрасная идея.

Наутро, пока все поселение прощалось с Сердцем Лотиана, провожало ее в путь до Китай-Горы и приветствовало официальное благословение РОТЭХом городка, Женестьева Тенебрия скользнула в пристройку дома Манделий, туда, где жили Матушка и дедуля Аран. Плацентарий колыхался и пульсировал на карнизе. Женестьева Тенебрия решительно и брезгливо подобралась к плацентарию. Извлекла из сумки биосохраняющую банку, которую дал ее мужу Раэль Манделья. Пара минут грязных, пахнущих рыбой ковыряний – и Женестьева Тенебрия удалилась в облаке пыли и вины, прижимая банку к сердцу; внутри перекачивалась крошечная бластоциста, бледнеющая, слепнущая. Чтобы отсутствие зародыша не заметили, Женестьева Тенебрия сунула в искусственную матку недозрелый плод манго.

После отъезда Сердца Лотиана не улеглась пыль, а Женестьева Тенебрия уже стучалась в дверь Марьи Кинсаны.

– Доброе утро, миссис Тенебрия, – сказала Марья Кинсана, стильная и профессиональная в зеленом пластиковом переднике. – По делу или просто?

– По делу, – сказала Женестьева Тенебрия. Она поставила сохраняющую банку на операционный стол. – Это ребенок, которого сделала для меня Сердце Лотиана. Она не успела посадить его сама, но сказала, что вы поможете.

Операция заняла десять минут. Когда с чаем и карамельками было покончено, Женестьева Тенебрия понеслась домой, к тщеславному и мелочному муженьку. Чувство вины исчезло, его удалили умные инструменты Марьи Кинсаны. В кармане юбки погромыхивала банка с иммунодепрессантами, чтобы тело не отторгло зародыш; в лоне, воображала она, уже пинался и крючился украденный ребенок. Женестьева Тенебрия надеялась, что это девочка. Как сообщить об этом мужу? Интересно, с каким лицом он встретит новость.

Глава 13

Раэль Манделья опасался, что его дети растут дикарями. Уже три года они, наивные и невежественные, бегали как куры по всему городку Дорога Запустения. То был единственный мир, который они знали, огромный как небо, но очерченный столь плотно, что гиперактивный трехлетка способен обежать его меньше чем за десять минут. То, что был еще мир, и небо, и даже мир за небом, и все они полны людей и истории, близнецам и в голову не приходило. Поезда, на всех парах приезжавшие и уезжавшие через нерегулярные промежутки времени, откуда-то появлялись и куда-то исчезали, но мысли об этом почему-то рождали в детях раздражение и неуют. Им нравилось считать, что их мир мал и укромен, как стеганое одеяло. И все-таки Раэль Манделья настоял на том, чтобы они узнавали о тех, других мирах. Процессу, именуемому «образование», близнецы приносили в жертву целое утро, которое можно потратить с куда как большей пользой; они слушали д-ра Алимантандо, милого, но говоруна так себе, и м-ра Иерихона, знавшего о мире пугающе много, и под материнским руководством учились читать по прекрасно иллюстрированным книгам, рассказывавшим о днях, когда этот мир создавали РОТЭХ и св. Екатерина.

Лимааль и Таасмин оставались восторженными дикарями. Они явно предпочитали проводить дни, превращая жизнь Джонни Сталина в ад при помощи грязи, воды, какашек и неподражаемых акробатических трюков на опорах водяных насосов. Но Раэль Манделья был непреклонен: его дети не вырастут в сутулых рабов лопаты, тупых, как старые сапоги. У них будет то, чего не было у отца. Мир станет игрушкой в их руках. Раэль Манделья старался внушить им восторг от знаний, но даже Цирк Генетического Просвещения Сердца Лотиана оставил их равнодушными. А потом настал день, когда в город приехало Бродячее Шатокуа и Просветительская Буффасмагория Адама Черного.

Вечером накануне прибытия великого артиста восточный горизонт взорвался и засверкал серебром и золотом фейерверков. Дорога Запустения никак не могла сомневаться в том, что грядет событие исторического масштаба. На следующее утро к импровизированной станции Дороги Запустения подкатил поезд вне графика и, повинаясь жестам Раджандры Даса, неформального начальника станции, встал на боковой путь. Замерев, он стал изрыгать пар и исторгать волнительную музыку из установленных на локомотиве динамиков; в это время люди собирались посмотреть, что же будет дальше.

– Бродячее Шатокуа и Просветительская Буффасмагория Адама Черного, – прочел Раджандра Дас слова, выведенные на вагонах красно-золотыми нахрапистыми театрально-афишными буквищами. Сплюнул в песок. Музыка все играла. Время шло. Воздух нагревался. Люди уставали ждать на жаре. Женестьева Тенебрия еле удерживалась от обморока.

Внезапно и одновременно зазвучали фанфары и вырвались клубы пара, да так, что все подпрыгнули.

– Леди и джентльмены, мальчишки и девчонки, единственный и неповторимый... Адам Черный! – прогорланил странный механический голос. Из вагонов выпали лестницы. Вперед шагнул высокий, стройный, элегантный мужчина. Он был в темном фраке и брюках с лампасами из настоящего золота. Черный галстук- шнурок, шляпа с очень широкими полями. Трость с золотым набалдашником в руке, мерцание агата в глазах. И, разумеется, тонкие, будто нарисованные фломастером усики. Сложно вообразить человека, больше похожего на Адама Черного. Он убедился в том, что все и каждый неотрывно смотрели на него. Потом закричал:

– Леди и джентльмены, вы видите перед собой абсолютное хранилище человеческих знаний: Бродячее Шатокуа и Просветительская Буффасмагория Адама Черного. История, искусство, наука, природа, чудеса земные и небесные, диковины науки и техники, истории о странных местах и далеких землях, где чудесное буднично, – всё внутри. Взгляните своими глазами

на дивные деяния РОТЭХа через Запатентованный Оптикон Адама Черного; *послушайте* загадочные и фантастические истории Адама Черного с четырех сторон света; *изумитесь* последним достижениям науки и техники; *подивитесь* этому поезду, да, этому самому поезду, что движет себя своим же разумом; *воззритесь в восхищении* на Дуроменов, полулюдей-полумашин; *познайте* тайны физики, и химии, и философии, и теологии, искусства, природы; все это может стать вашим, леди и джентльмены, этот рог изобилия древней премудрости; вашим всего за пятьдесят центаво, да, пятьдесят центаво, либо за эквивалент в любых продуктах по вашему выбору; да, леди и джентльмены, мальчишки и девчонки, Адам Черный представляет свое Бродячее Шатокуа и свою Просветительскую Буффасмагорию! – Напыженный денди изящно постучал тростью по красно-зелено-золотому вагону, и локомотив выпустил пять паровых колец, одно внутри другого, и сыграл какой-то марш просто ушераздирающе громко.

Адам Черный открыл двери в свою страну ученых чудес и еле успел уклониться, когда Раэль Манделья и его упертые дети опрометью бросились в погоню за знаниями. Тайны физики, химии, философии, искусства и природы Лимааля и Таасмин Манделий не восхитили. Они зевали, глядя на Дуроменов, полулюдей-полумашин, они ерзали от скуки, когда компьютеризованный поезд с собственным разумом пытался увлечь их беседой, они переговаривались и хихикали, пока Адам Черный вещал с иллюстрациями о естественных чудесах мира. А вот дивные деяния РОТЭХа, увиденные через Запатентованный Оптикон Адама Черного, заставили их выпучить глаза.

Они сидели в вагоне на жестких пластмассовых стульях. Лимааль обнаружил, что если раскачиваться туда-сюда, стулья скрипят, и именно этим он занимался, когда помещение вдруг погрузилось во тьму, черную, как сама смерть. Сзади, оттуда, где сидели братья Галлачелли с Персеей Голодраниной, раздались вопли. Потом голос сказал:

– Космос: последний фронтир, – и внезапно вагон наполнился дрейфующими искрами. Близнецы пытались ловить их и удерживать в кулаках, но светящиеся пылинки пролетали сквозь пальцы. Вихрящаяся спиральная туманность прошла прямо через грудную клетку Лимааля. Схватить туманность не удалось – она выплыла из вагона через заднюю стенку. От мерцающей галактической паутины отделилась звезда, ее размер и яркость увеличивались, пока она не стала отбрасывать на стены четкие тени.

– Наше солнце, – сказал Адам Черный. – Мы приближаемся к нашей солнечной системе на симулированной скорости в двадцать тысяч раз больше скорости света. Войдя в систему миров, мы замедлимся, чтобы узреть планетные красоты. – Звезда превратилась именно что в солнце. Мимо вальсировали планеты, величественная процессия шаров и колец. – Мы минуем внешние миры: вот обволакивающее систему облако комет, а вот Немезида, далекая блеклая компаньонка нашего светила, вот Аверн, вот Харон; Посейдон, а это окольцованный Уран, и еще Хронос, тоже с кольцами... а вот и Зевс, величайший из миров, и если наш мир, который уже виднеется за толчеей каменистых астероидов, очистить как апельсин и поместить на поверхность великого Зевса, он покажется не более монеты в пятьдесят центаво... это наш мир, наш дом, но сначала мы нанесем мимолетный визит сияющей Афродите и малютке-Гермесу, он ближе всех к солнцу, а потом обратим взоры к Родине-Матери, откуда вышли люди нашей планеты.

Пятнышко света на краю помещения взорвалось и стало системой двух великих миров: один – безжизненный матово-белый череп, другой – небесно-голубой шар с молочными, как в мраморе, прожилками. Мертвый белый мир-череп пронесся мимо наблюдателей в звездную глубину, и близнецы обнаружили, что парят над голубым миром-лоном, как два размалеванных серафима Панарха. Они увидели, что этот кипучий голубой мир опоясан серебряным обручем, размеры которого разоряли воображение. Голографический фокус сместился вновь, и все ясно увидели тонкие спицы, которые, точно спицы велосипедного колеса, соединяли мир-обруч с миром-сферой.

Маленькая тесная комнатка наполнилась благоговением. Близнецы сидели тихо и молча. Ужасающие штуки в небе потрясли их до неподвижности. Адам Черный продолжил лекцию:

– Перед вами Родина-Мать, планета, с которой прилетел наш народ. Очень старый мир, невероятно старый. В нашем мире люди живут всего семь сотен лет, большинство приехало по завершении хомоформирования, меньше века назад, но на Родине-Матери есть цивилизации, которым тысячи и тысячи лет. – Голубая Родина-Мать поворачивалась под всезнающим взглядом близнецов. Когда ее затянутые облаками ландшафты переходили в ночь, они воскресали миллионами миллионов огней в городах, раскинувшихся на целые континенты. – Старый-пре-старый мир, – пропел Адам Черный, гипнотизируя аудиторию танцующими словами, – старый и отработанный. И набитый битком. Просто битком. Вы даже не представляете.

Лимааль Манделья в страхе прильнул к отцу, потому что очень даже представлял. Он так и видел сплошь голых лысых людей, зажатых в толпе себе подобных: живой, дышащий ковер плоти стлался по холмам и долинам, по взгорьям и равнинам, пока не достигал берега моря. Здесь людей выпихивали в маслянистую воду, она доходила им уже до груди, а вечнорастущее мальтузианское крошево все толкалось и толкалось, дальше, глубже, пока вода не смыкалась над головами. Лимааль вообразил, как громоздкий шар взрывающейся плоти падает с неба под собственным весом и сокрушает его народными массами.

– Тамошнее население столь велико, что земельные массивы давным-давно переполнились, и даже огромные города, бороздящие океаны, не могут держаться на плаву. Оттого людей стали сажать внутрь этих спиц, в орбитальные лифты, и отправлять наверх, в город-кольцо, выстроенный в космосе вокруг Родины-Матери в эпоху, когда в избытке было и энергии, и ресурсов...

Фокус проекции спланировал на серебряный обруч и разоблачил его пугающую мешанину геометрических форм, вырастающих одна из другой, как кристаллы. Еще ближе; сделались четкими детали геометрических форм, огромных, как целые города: трубы, сферы, штуки, похожие на вентиляторы, странные протуберанцы, кубы и косые трапеции. Совсем близко; можно разглядеть прозрачные крыши, а под ними – крошечные фигурки, толкающиеся и пихающиеся бактерии.

Таасмин Манделья зажмурилась и вдобавок закрыла глаза руками. По другую сторону от отца Лимааль Манделья сидел с открытым ртом, уничтоженный знанием.

– Этот город называете Метрополис, – сказал Адам Черный. М-р Иерихон повторил название «Метрополис» одними губами. Глубоко внутри он боялся того, что видел под этой прозрачной крышей самого себя, сидящего у ног Отчечаша Августина. – Невзирая на огромные размеры, население города растет так быстро, что машины, достраивающие его ежедневно и ежечасно, не в состоянии угнаться за темпами расширения. Теперь попрощаемся с Родиной-Матерью, – и голубой мир-опал, его обруч, его череп-спутник и давящие на психику триллионы скукожились в отдаленную точку, – и перенесем внимание поближе к дому.

Перед близнецами набухла земля, и они загляделись на ее знакомые по атласу заснеженные полюса, ее голубые замкнутые моря, ее зеленые леса, желтые равнины и обширные красные пустыни. Они посмотрели сверху на гору Олимп такой вышины, что вершина ее возносилась над всеми заснеженными пиками, и на суетные земли Большой Долины, изобилующие большими и малыми городами. Когда земля вырисовалась четче, близнецы увидели сверкающее лунное кольцо; око оракула замерло, насытив помещение невразумительными дрейфующими образами. Одни были столь огромны, что пересекали комнату несколько минут; другие – крошечные и кувыркающиеся; третьи, беспокойные, как насекомые, порхали сквозь зрителей, спеша по мелким поручениям; на всех там или здесь имелось название РОТЭХ.

– Взгляните: силы, что сформировали наш мир и сделали его пригодным для жизни человека. Тысячу лет назад некие ученые мужи, все, вне сомнения, святые мудрецы, предвидели то, что вы узрели только что: Родина-Мать не сдюжит всех грядущих людей. Нужно

найти другие миры – но все миры в зоне досягаемости мертвы и безжизненны, даже этот. Да, наша земля была так же мертва и безжизненна, как белый череп мира, который вы наблюдали пару минут назад. Однако ученые мужи знали: можно сделать так, чтобы и наш мир рождал жизнь. Обратившись к разнообразным правительствам Родины-Матери, они основали РОТЭХ – Ресурс Орбитального Терраформирования и Экологического Хозяйствования и вооружились всей наукой и техникой той эпохи, и она трудилась семь сотен долгих лет, чтоб сделать эту землю дружелюбной человеку.

По комнате проплыл исполинский асимметричный объект, усыпанный сияющими окошечками и помеченный святым именем, чьи буквы в масштабе один к одному наверняка достигали двухсот метров в высоту. Малюсенькие будто бы мошки сновали вокруг объекта с остервенелым трудолюбием. Восхищенный небесными образами Лимааль Манделья подпрыгивал на своем стуле.

– Успокойся, – прошипел отец. В поисках кого-то, с кем можно разделить восторг, Лимааль глянул на мать, но Эва Манделья глядела непонимающе. Сестра Лимаалья сидела выпучив глаза и с ничего не выражающим лицом, будто святая на иконе.

– Вы видите малую часть орбитальных аппаратов, посредством которых РОТЭХ поддерживает зыбкий экологический баланс нашего мира. Одни машины контролируют погоду, нагревая инфракрасными лазерами поверхность планеты и создавая перепады давления, иначе говоря, ветра. Другие – магнитные суперсердечники, или магнето: они генерируют интенсивное поле, защищающее наш мир от бомбардировки заряженными солнечными частицами и космическими лучами. Третьи – ваны, орбитальные зеркала, которые освещают темные ночи в отсутствие лун, четвертые – орфы, работающие непосредственно в мире, они и сегодня сеют жизнь в пустынных пределах земли, пятые – сцепщики, которые берут кометный лед из виденного нами облака на краю Солнечной системы и привозят его в наш мир, чтобы поддерживать гидростатическое равновесие, шестые – партаксы, грозные механизмы мощнейшего уничтожения, ими РОТЭХ защитит наш хрупкий мир от атаки... извне. Некогда машин было куда больше, но теперь они в основном выполняют более важные задания РОТЭХа: укрощают адский мир, который мы называем Афродитой, хотя лучше бы использовать его старое имя, Люцифер, – а также озеленяют безвоздушную луну Родины-Матери. И гляньте-ка...

Детям показалось, что они огромной космической птицей стремительно облетели плечо мира и увидели далеко за каскадным лунным кольцом нечто гигантское – приближающуюся к миру многокилометровую бабочку, столь огромную и сложную по конструкции, что воображение буксовало. Нечто тяжеломерно вращалось, ловя свет солнца, и близнецы и все вокруг ахнули, когда три миллиона квадратных километров паруса вдруг засверкали.

– Эти паруса столь широки, что могут объять весь мир, – прошептал Адам Черный, после чего, драматически повысив голос, провозгласил: – Парус-Корабль Президиума, подплывающий к стыковочным модулям РОТЭХа. Один год и один день назад он отчалил из Метрополиса с миллионом и семьями пятьюдесятью тысячами колонистов, спящих в стазисе в каргондолах, и вот путь завершен. Они прибыли в наш мир. Они увидят удивительное, шиворот-навыворот, сбивающее с толку место – почти таким же оно виделось отцам отцов наших отцов и матерям матерей наших матерей. Кто погибнет, кто вернется домой, кто потерпит неудачу и падет на дно общества – но большинство, добравшись до пакгаузных городов Приземленд, Блерио и Белладонна, разглядят мир как следует и решат, что сели в настоящем раю.

Бесплотная точка наблюдения ринулась к поверхности, вниз-вниз-вниз, набирая скорость, пока Лимааль и Таасмин не стало казаться, что встреча с землей расплющит их в блин. Костяшки побелели, Матушка закричала. Вновь зажегся свет. В лучах ламп летала пылевая мошкара. Адам Черный вошел в круг света и сказал:

– Сим наше турне по чудесам земным и небесным завершается, и мы возвращаем вас, ничуть не повредив, обратно на привычную суетную твердь. – В задней стенке вагона откры-

лись двери, впустив пыльный световой поток. Люди выбирались под послеполуденное солнце будто пришибленные.

– Ну, что вы на это скажете? – спросил Раэль Манделья у детей. Те не ответили. Они погрузились в свои мысли.

Голову Лимаалья Мандельи заполняли падающие планеты, беременные человечеством; вращающиеся световые колеса диаметром в тысячи километров, вроде бы анархические свистопляски форм, благодаря которым, тем не менее, мир исправно клацал будто смазанные часы; рациональная часть мальчика высвободилась и приняла увиденное. Он понял, что человеческая и материальная вселенные функционируют, основываясь на фундаментальных принципах – и что если эти принципы познаваемы, значит, все вселенные материи и сознания тоже должны быть познаваемы. Он принял Великий Замысел и увидел, что тот скопирован в миниатюре повсюду, куда ни падал взгляд. Все можно понять, все можно объяснить; не осталось никаких загадок, все на свете обращено вовнутрь.

Таасмин Манделья тоже узрела чудеса земные и небесные, но выбрала, наоборот, путь мистики. Она увидела, что все уровни организации подчиняются уровням выше, а эти уровни выше, в свой черед, подчиняются уровням более обширной и блестящей разумности в восходящей спирали сознания, на самом верху которой восседает Господь Панарх Непознаваемый, Невыразимый и Безмолвный, как Свет, и планы Его угадываются лишь из Его же откровений, капающих по виткам спирали сознания сладким дистиллятом. Все на свете обращено вовне и вверх.

Раэль Манделья не мог знать, что сделал с детьми и в миг рождения, когда проклял их семейным проклятием, и когда семя этого проклятия проросло в Голографиуме Адама Черного. Близнецы под впечатлением. Может, узнали что-то ценное. Если корни учения приживутся, значит, два бушеля земляники и курица, потраченные на образование детей, – славная инвестиция.

Глава 14

В ночь на пятницу, 21 августа, в двадцать двадцать, в самый разгар бесконечной игры в слова, когда дедуля Аран выкладывал «зооморф» с тройным счетом слова, Матушка вдруг подскочила и воскликнула:

– Время! Пришло время! Мой ребенок, ах, мой ребеночек! – И она устремилась в комнату, туда, где чмокал, хлюпал и набухал плацентарий – день за днем, час за часом уже двести восемьдесят дней, 7520 часов, – раздувшись в огромный комок сине-красной плоти.

– Что такое, цвет сердца моего? – вскричал дедуля Аран. – Что случилось? – Не дождав-шись ответа, он поспешил в комнату; его супруга стояла, зажав руками рот, и взидала на плацентарий. Искусственная матка содрогалась и сокращалась, и дурной, зловонный смрад напоил помещение.

– Время пришло! – прокудахтала Матушка. – Мой ребеночек выходит! Наш ребенок! Ах, Аран! Супруг...

Дедуля Аран втянул носом вонючий воздух. Струйка черной жидкости выдавилась из плацентария и окрасила собой питательный раствор. В сердце дедули Арана постучалось чувство великого зла.

– Вон! – приказал он Матушке.

– Но, Аран... наш ребеночек! Я, мать, должна быть со своим ребенком! – Она потянулась к мясистому бесстыдству на подоконнике.

– Вон! Я, твой супруг, приказываю! – Дедуля Аран схватил жену за плечи, развернул и выпихнул из комнаты, а дверь запер на засов. Из спазмирующего плацентария уже извергались мерзейшие протуберанцы. Дедуля Аран, дрожа, приблизился. Постучал по банке. Плацентарий испустил зауспокойный вой, словно под большим давлением вышел газ. Поверхность бельденской банки запузырилась, все взбурлило, из раствора проистекла удушающая вонь. Дедуля Аран прикрыл рот и нос платком и воткнул в матку карандаш. Плацентарий забился в судорогах и, фырча и треща, изрыгнул фонтан гнусной серой слизи. Выплюнув напоследок вонючий черный сгусток с вкраплениями смрадного пердежа, он прорвался посередине и сдох. Сдерживая дыхание, чтобы не блевануть, дедуля Аран потыкал карандашом разлагающиеся останки. Никаких признаков того, что внутри когда-либо находился ребенок. Что дедуля Аран нашел, так это гниющие черные фрагменты чего-то, напоминающего кожуру манго. Удовлетворенный тем, что ребенка не было, ни живого, ни мертвого, дедуля Аран вышел из комнаты и закрыл дверь на замок.

– Сегодня вечером случилось нечто кошмарное и богохульное, – сказал он жене. – Пока я жив, в эту комнату не войдет никто. – Промаршировав к наружной двери, он зашвырнул ключ в ночь так далеко, как только смог.

– Мой ребенок, Аран, мой ребенок... она жива? она мертва? – Матушка сглотнула. – Она... она человек?

– Никакого ребенка не было, – сказал дедуля Аран, глядя прямо перед собой. – Сердце Лотиана нас обманула. Матка была пуста. Абсолютно пуста.

На этом месте он нарушил обещание, которое вынужденно дал некогда жене, и пошел в трактир Голодранинной, чтобы нажраться до бесчувствия.

В тот самый момент, когда Матушка подскочила и перестала играть в слова, Женевьеву Тенебрию скрутила дергающая терзающая боль. Она издала еле слышный то ли стон, то ли всхлип и поняла, что время пришло.

– Дорогая, что-то не так? – спросил Гастон Тенебрия со своего стула у камина; там он просиживал вечера, покуривая кальян и мечтая о сладком прелюбодействе.

Женевьеву Тенебрию дернуло вновь.

– Ребенок, – шептала она, – выходит.

– Ребенок, – повторил Гастон Тенебрия. – Какой ребенок?

Женевьева Тенебрия улыбнулась через боль. Девять месяцев она тщательно скрывала беременность в предвкушении сладостного мгновения.

– Твой ребенок, – прошептала она. – Твой ребенок, самолюбивый ты идиот.

– Что? – проревел Гастон Тенебрия будто за тысячу километров отсюда, высокий и полый, как тростник.

– Ты дал маху, муженек. Твой ребенок... ты мне в нем отказывал... и отказывался от меня... и заставлял меня... ждать, и я тоже... заставила тебя ждать... и ожидание закончилось. – Она тяжело дышала, ее снова терзала боль. Гастон Тенебрия трепыхался и колыхался, как жалостная пичужка в парнике. – Отведи меня к Кинсане... Марье Кинсане.

Она собрала остатки достоинства и побрела было к выходу. Но тут ее накрыли жесточайшие схватки.

– Помоги мне, никчемная ты свинья, – простонала она, и Гастон Тенебрия пришел и помог ей сквозь зябкую черную ночь добраться до «Зубо- и Ветеринарной Лечебницы Кинсаны».

Проступающая сквозь посленаркотное оцепенение Мария Кинсана – вылитая лама, думала Женевьева Тенебрия. Эта заунывная мысль так и кружила по сверхпроводящей цепи разума, пока в руках не оказался подарочный сверток с младенцем – и Женевьева Тенебрия не вспомнила все.

– Не сложнее, чем принимать козленка, – сказала Мария Кинсана, улыбаясь во всю ламью морду. – Но я решила, что лучше вас все-таки вырубить.

– Гастон... где Гастон? – спросила Женевьева Тенебрия. К ней склонилось мужнино лицо с козлиной бородкой.

Оно сказала шифрующимся шепотом:

– Дома поговорим.

Женевьева Тенебрия улыбнулась издалека: теперь муж был для нее не больше, чем назойливая муха. Совсем другое дело – ребенок в руках, ее ребенок; разве она не выносила его сама, не берегла под сердцем девять месяцев, разве не был он ее частью почти полгода?

– Арни Николодея, – прошептала она. – Маленькая Арни.

Когда новость о неожиданном рождении третьего рожденного на Дороге Запустения гражданина достигла трактира «Вифлеем-Арес Ж/Д», Персея Голодранина поставила всем по выпивке, и говорились тосты, и веселились все, кроме дедули Арана, который, когда ночь сменилась утром, осознал, как с ним поступили. Осознал он и то, что никогда не сможет ничего доказать.

– Не странно ли, – комментировал Раджандра Дас, словоохотливый после кукурузного пива и вина из ферментария, – пара, хотевшая ребенка, его не получила, а не хотевшая – получила? – И все сочли, что он выразил самую суть.

Глава 15

Когда-то Раджандра Дас жил в дыре под Главным Вокзалом Меридиана. Он и сейчас жил в дыре – в Великой Пустыне. Когда-то Раджандра Дас был принцем шаромыжников, босяков, нищевродов, голи перекатной, гунда-шушеры и бомжар. Он и теперь был принцем шаромыжников, босяков, нищевродов, голи перекатной, гунда-шушеры и бомжар. Больше никто на это почетное место не претендовал. Слишком ленивый для фермерства, Раджандра Дас жил своим умом и милостью соседей: он уговаривал их сломанные культиваторы и дефектные солнечные трекеры вернуться к жизни, он помогал Эду Галлачелли собирать механические устройства малой практической ценности, если не считать утилизацию лишнего времени. Однажды Раджандра Дас починил локомотив «Вифлеем-Арес Ж/Д»: класс 19, насколько он помнил; тот доковылял до Дороги Запустения с плохо настроенным токамаком. Все как в старые добрые времена. В припадке ностальгии Раджандра Дас чуть не попросил инженеров подкинуть его до Мудрости, сияющей мечты сердца.

Потом подумал об охраннике, вышвырнувшем его с поезда, о лишениях, истязаниях и работе, работе на износ, которая не минует его в таком странствии. Дорога Запустения спокойна, Дорога Запустения обособленна, а еще Дорога Запустения уютна, и плоды здесь можно срывать прямо с дерева. Раджандра Дас останется еще на чуть-чуть.

После зимнего солнцестояния, когда солнце болталось низко над горизонтом и красная пыль искрилась инеем, на Дорогу Запустения возвратился Адам Черный. Его прибытию обрадовались так, как изможденные зимой крестьяне радуются весне.

– Налетай! Торопись! – горланил он. – Бродячее Шатокуа и Просветительская Буффасмагория Адама Черного *еще разок* (тут он для выразительности бабахал тростью с золотым набалдашником по подставке) представит вам чудеса с четырех сторон света в *совершенно новом* (бабах!) шоу! Для вашей улады и отрады, *леди* (бах!), джентльмены (бах!), *мальчишки* (бах!) и *девчонки* – невиданное диво, Ангел из Райских Краев! Похищен из Небесного Цирка, настоящий, без обмана, стопроцентный, со знаком качества, первоклассный *ангел!* (ба-бах!) Да, налетай-торопись, добрые граждане, всего пятьдесят центаво за пять минут с чудом Эпохи; пятьдесят центаво, честной народ, да как можно обойтись без разэтакого *уникального феномена?* (бабах!) Если вы соблаговолите образовать аккуратную очередь, благодарю... не надо толкаться, времени хватит на каждого...

На это шоу Раджандра Дас пришел позднее других. Когда притащился поезд Шатокуа, Раджандра Дас уютно спал у огня и в результате вынужден был простоять на холоде битый час прежде, чем настал его черед.

- Вы один? – спросил Адам Черный.
- Со мной вроде никого.
- Итого пятьдесят центаво.
- Нет у меня столько. Возьмете двумя медовыми сотами?
- Две медовых соты – хорошо. Пять минут.

В вагоне было тепло. Окна закрыты черными шторами, которые перешептываются, когда их шевелит горячий воздух от вентиляторов. Посередине – огромная и тяжелая стальная клетка, прутья сплошняком, без замков и дверей. На подвешенной к верхним прутьям трапеции сидит меланхолическое создание; Раджандра Дас должен принимать его за ангела, хотя оно ничуть не походит на ангелов, о которых в детстве, усадив его на благочестивое колено, рассказывала дорогая покойная матушка.

Лицо и торс создания принадлежали необычайно красивому молодому человеку. Руки и ноги – склепаны из металла. В плечах и бедрах металл перетекал в плоть. Различимых гра-

ниц между кожей и сталью не было. Раджандра Дас знал, что это не просто сплав человека с протезами. Нет, здесь что-то совсем иное.

Ангела очерчивала мерцающая голубая аура – единственный источник света в теплом черном вагоне.

Раджандра Дас не смог бы сказать, как долго он стоял и таращился, пока ангел, вытянув механические ноги-ходули, не сошел с трапеции. Сократившись до человеческого роста, он прижал лицо к прутьям и уставился на таращившегося Раджандру Даса.

– У тебя всего пять минут, давай ты что-нибудь у меня спросишь, – сказал ангел щеко-чущим нервы контральто.

Завороженность мигом исчезла.

– Ой-й-й, – сказал Раджандра Дас. – Что ты вообще такое?

– Это обычно первый вопрос, – сказал ангел низкого пошиба, очевидно утомленный давно сложившейся рутиной. – Я ангел, серафим Пятого Чина в Узле Небесном, прислужник Приснодевы Фарсидской. Может, ты хотел бы, чтобы я подал Приснодеве прошение от тебя или кого-то еще – или переслал письмо твоим покойным близким в долине смертной тени? Обычно это второй вопрос.

– Нет, мой второй вопрос другой, – сказал Раджандра Дас. – Любой дурак поймет, что никому ты ничего не передашь, пока сидишь в этой клетке в цирке м-ра Адама Черного. Нет уж, я хочу знать, какого черта ты называешься ангелом, сэр. Меня-то всегда учили, что ангелы – они как леди с длинными волосами, милыми крыльями, в светящихся платьях и все такое.

Ангел слегка обиделся и надулся.

– О, времена! Никакого уважения. Так или иначе, это у многих смертных третий вопрос. Я думал, ты не из таких, раз пропустил вопрос номер два.

– Ну так ты ответишь на вопрос номер три или нет?

Ангел вздохнул.

– Смотри же, смертный.

Из ангельской спины вышли и развернулись два комплекта раскладных вертолетных лопастей. Клетка была слишком мала, чтобы несущие винты раскрылись полностью, а с обвисшими лопастями ангел гляделся еще жалче и ничтожнее.

– Крылья. Что до моего гендера... – Аура ангела мигнула. Его плотская часть пошла странными буграми. Его формы растаяли и потекли, как дождевая вода с крыши. Подкожные вздутия слились, затвердели и образовали новый ландшафт форм. Раджандра Дас тихо, но одобряюще присвистнул.

– Сиськи что надо. То есть ты и то и это.

– Или ни то и ни это, – сказал ангел и повторил трюк с растворением лица, растаяв и затвердев необычайно красивым молодым человеком неопределенного пола. Достигнув стадии «оно», ангел вобрал лопасти обратно в спину и безутешно улыбнулся. Сердце Раджандры Даса уколола игла симпатии. Он знал, каково это – оказаться там, где в жизни не хотел оказаться. Он знал, каково это, когда жизнь положила на тебя с прибором.

– Что-то еще, смертный? – устало спросил ангел.

– Эй-эй-эй, слышь, ты только не обижайся. Я на твоей стороне, честно. Скажи, а чего ты не рвешь когти из этой клетки? Тебе ведь достаточно шевельнуть розовым пальчиком. Меня учили, что у ангелов мощи хоть отбавляй.

Ангел доверительно прислонился к прутьям.

– Я всего лишь ангел, Пятый Ранг в Узле Небесном, а не крутой чувак типа ФАРИОСТЕРА или ТЕЛЕМЕГОНА; это самые последние модели; Первый Чин, Архангельские; они могут практически что угодно, ну а мы, ангелы, мы были первыми, мы у Приснодевы прототипы, и она улучшала наш дизайн с каждой следующей моделью: Аватары, Лорархи, Херафимы, Архангельские...

– Погоди-ка, ты говоришь, что тебя изготовили?

– Нас всех изготавливают, смертный, тем или иным способом. Я о том говорю, что мы, ангелы, спроектированы работать на солнечной энергии, вот почему Адам Черный держит меня в темноте, а то я давно зарядился бы от солнца и разнес эту клетку в пыль. Впрочем, – добавил ангел страдальчески, – нас, ангелов, изначально проектировали для полетов, а не для побоев; в основном моя сила направляется в лопасти.

– А если я отдерну занавески?

– Придет Адам Черный и снова их задернет. Спасибо за намерение, смертный, но понадобится около трех недель непрерывного солнечного света, чтобы восстановить всю мою ангельскую мощь.

Адам Черный просунул голову в дверь и сказал:

– Время! Выходите. – Он строго посмотрел на ангела. – Опять ты со своими разговорчиками? Я же сказал, покороче!

– Эй-эй-эй, что за спешка? – запротестовал Раджандра Дас. – Я последний в очереди, и мы только начали говорить о всяких интересных вещах. Еще минутку, ладно?

– Ну ладно, – и Адам Черный удалился подсчитывать барыши: шесть долларов пятьдесят центаво, курица, три бутылки горохового вина и две медовых соты.

– Лады, расскажи еще что-нибудь, – сказал Раджандра Дас. – Ну, например, как ты вообще оказался в этой клетке.

– Простая беспечность. Летим мы, значит, в Великой Компании Приснодевы, пролетаем ангельским строем над Высокими Равнинами, над ломаного центаво не стоящим городком Французишко, мы так иногда делаем, устраиваем кружение в небесах, напоминаем смертным о высших истинах, типа кто создал мир и всяко-разно, у Приснодевы новая политика, прямое вмешательство в дела органики. Ну вот, это такое немаленькое шоу, там и Власти Предержащие, и Господства, и Духовный Зверинец, и Большой Голубой Плимут, и Наездник на Многоглавом Звере, и всяко-разно, длится оно почти целый день, не меньше. Я в последней волне, ошиваюсь в ожидании, скучаю страшно, а скучающие ангелы беспечны. Помню только, что влетел мордой в высоковольтную секцию радиорелейной линии Французишки. Был шандарахнут. Предохранители в дым. Нокаутирован. Смертные меня вырезают, сажают в этой самой клетке в подвал и кормят кукурузными лепешками и пивом. Представляешь, что такое ангел-алкоголик? Я им твержу, что заряжаюсь от солнца, – как об стенку горох. Смертные думают, что ж им делать с ангелом из Узла Небесного, тут заявляется Адам Черный – и покупает меня с клеткой за пятнадцать золотых долларов.

– А бежать ты не пробовал? – спросил Раджандра Дас, думая недоброе.

– Так замка ж нет. Мы ладим с машинерией, то есть абсолютно, я бы вскрыл любой замок, но в агиографии этот Адам Черный разбирается, так что когда я набрался сил и отрастил новые цепи, он велел заварить дверь намертво.

– Это плохо, – сказал Раджандра Дас, вспоминая дыры под Главным Вокзалом Меридиана. – Никого и никогда нельзя сажать в клетку по ошибке.

Ангел выразительно пожал плечами.

Адам Черный снова просунул голову в дверь.

– Окей. Время вышло, и я не шучу. Выходите. На ночь мы закрываемся.

– Помоги мне, – прошептал ангел, в отчаянии схватившись за стальные прутья толщиной в палец. – Ты можешь меня вытащить, я знаю; я вижу это в твоём сердце.

– Видимо, вопрос номер пять, – сказал Раджандра Дас и развернулся, чтобы выйти из погруженного во тьму вагона. При этом он тайком достал из кармана многолезвийный нож Сил Обороны, украденный из «Особых Скобяных Изделий Кришнамурти», и протянул его ангелу на ладони.

– Спрячь, – шепнул он, не двигая губами. – И обещай, когда выберешься, сделать две вещи. Первое: не возвращайся. Никогда. Второе: передай привет Приснодеве, когда ее увидишь, потому что она наделила меня добротой к машинам, а машины добротой ко мне. – Ладонь развернулась и помахала на прощание. Адам Черный ждал, чтоб запереть дверь.

– Недурное развлекалово, – прокомментировал Раджандра Дас. – Если пойдете по нарастающей, сложновато вам придется. Кого в следующий раз притараните? Св. Екатерину в клетке, а? – Он подмигнул шоу-мену. И ему показалось, что он слышит, как металл скребет металл.

Глава 16

Утром, когда явился РОТЭХ, он вошел в мир приглушенным гулом в снах людей и выполз из сновидений тяжелым стуком. Он пробудил всех ото сна, и все вдруг обнаружили, что не видели общего коллективного кошмара, что звук был реальным, объективным феноменом, настолько реальным и объективным, что все незакрепленные предметы в домах дрожали, а тарелки прыгали с полок и разбивались о пол.

– Что это, что это? – спрашивали все друг друга, набросив домашнюю одежду и отбросив кошмарные суеверия вроде Апокалипсиса, Армагеддона, ядерной гибели, межпланетной войны и упавших на головы небес. Стук нарастал, пока не заполнил все внутричерепные закоулки. Он тряс камни под ногами, тряс кости под кожей, тряс небо и землю, тряс людей, гнал их вверх по лестницам и за двери смотреть, что происходит.

Над Дорогой Запустения висела тысяча серебряных тарелок, блестящих на рассветном солнце так, что слепило глаза: тысяча серебряных летающих объектов трясли землю и небо грохотом моторов. Каждая диаметром в добрых пятьдесят метров, на каждой – святое имя РОТЭХ в сочетании с серийным номером, внизу приписка жирными черными буквами: «Сектор Планетарной Эксплуатации». Вспыхнули прожекторы и четвертовали город, ища граждан, в изумлении застывших кто на крыльце, кто на веранде. Освещаемая с высоты Матушка пала на колени и стала молиться, чтобы Ангел с Пятью Чашами Погибели (чаша тьмы, чаша глада и жажды, чаша бездетности, чаша сарказма, чаша всепожирающих козлов-мутантов) ее миновал. Дети Дороги Запустения махали экипажам в передних кабинах управления. Пилоты махали в ответ и мигали прожекторами. Привыкая к мысли о воздушном флоте РОТЭХа в небе над городом, люди осознали, что тарелок вовсе не тысяча, не сто, даже не пятьдесят, а двадцать три. Но и двадцать три легкача, наполнявшие небо и землю грохотом-рокотом моторов, забываемы, если именно ими тебя встречает утро.

Взревев так, что, казалось, расколется скалы, двадцать два легкача взмыли высоко-высоко и понеслись на запад; их прожекторы, будто грабли, оставили на небе длинные борозды. Единственный оставшийся аппарат опустился ниже и изготовился к посадке по ту сторону железнодорожного полотна, в том самом месте, где некогда врезалась в Дорогу Запустения Персея Голодранина. РОТЭХ приземлялся идеально, с высокомерной легкостью. Ввиду посадки лопасти легкача развернулись вверх и подняли удушливые облака пыли. Когда кашель иссяк, легкач уже стоял на посадочных опорах и разматывал из ярко освещенных недр лестницу. Вместе с лестницей слышались ароматы приготовляемого завтрака.

Граждане Дороги Запустения всем скопом собрались по городскую часть от рельсов, не считая Персеи Голодраниной, которая сбежала, едва прожектор коснулся ее кожи, ибо легкачи летали где хотели, а она – нет. Люди наблюдали за событиями вокруг воздушного судна со смятением вперемешку с волнением. Эти гости могли оказаться лучшими из гостей.

– Вперед, – сказал м-р Иерихон д-ру Алимандо. – Вы босс. – Д-р Алимандо смахнул пыль с постоянно пыльной одежды и прошагал сто метров за рельсы к легкачу. Его подталкивало немало воодушевляющих возгласов.

Чрезвычайно проворный мужчина в красивом белом костюме с высоким воротником спустился по лестнице легкача и устоял на д-ра Алимандо. Д-р Алимандо, пыльный и скромный, учтиво поклонился.

– Я д-р Алимандо, Временный Председатель Общины Дорога Запустения, население двадцать два, высота тысяча двести пятьдесят, «в шаге от рая». Добро пожаловать в наш город, надеюсь, вам у нас понравится, у нас отличная гостиница для вашего комфорта и удовольствия, чистая, дешевая, со всеми удобствами.

Чужак, не сводивший с д-ра Алимантандо глаз (ужасное хамство по робким стандартам Второзакония), еле кивнул в знак признания: формальности соблюдены.

– Доминик Фронтера, офицер Службы Колонизации и Развития, Сектор Планетарной Эксплуатации РОТЭХа, Китай-Гора. Какого черта вы тут делаете?

Вспыльчивый д-р Алимантандо вскипел.

– Вас, сэр, я мог бы спросить о том же самом.

Доминик Фронтера ему ответил. И д-р Алимантандо немедленно созвал общее собрание граждан, чтобы Доминик Фронтера рассказал им то же, что рассказал ему. И вот что рассказал им Доминик Фронтера.

– Во вторник, шестнадцатого мая, через три дня, в шестнадцать двадцать четыре Дорога Запустения будет распылена вследствие удара кометного ядра, которое весит в районе двухсот пятидесяти мегатонн, летит со скоростью пять километров в секунду и прилетит в точку в тридцати четырех километрах к югу от вас.

Поднялся тарарам. Д-р Алимантандо стучал своим временно-председательским молотком, пока не сломал подставку, потом орал, пока не охрип, а люди всё ревели, рвали и метали лучшие стулья Персеи Голодраниной в воздух. Доминик Фронтера ни за что не поверил бы, что двадцать два человека способны устроить такой бедлам.

Всего этого не должно было с ним случиться. Он должен был завершить осмотр территории удара за утро и уже вернуться домой, в Региональную Штаб-Контору Меридиана. Он должен был играть в нарды в любимом уголке чайной Чэнь Цю, потягивать белладоннское бренди и любоваться абрикосами в цвету. Вместо этого он глядел на буйную ораву, готовую избить его до смерти барными табуретами из пустынной сосны – гляньте на старую каргу, ей под сорок, как пить дать, а все туда же, готова мою кровь с пола слизывать, – и все потому, что он обнаружил ссанный городишко там, где никакого ссанного городишки быть не должно, в оазисе, до которого даже экоинженерия доберется через два года после удара. Доминик Фронтер вздохнул. Вынул из кобуры пилота тупорылый пистолет с Пресни-реактором и сделал три коротких выстрела в крышу трактира «Вифлеем-Арес Ж/Д».

Немедленно установившаяся тишина ему понравилась. В черепице шипели и пенились Пресни-заряды. Восстановив спокойствие, он объяснил, почему Дорога Запустения должна быть уничтожена.

Все дело в воде. Ее не хватает. Мир не катится в пропасть благодаря серии экологических уравнений, которые должны всегда быть в равновесии. С одной стороны уравнения – сконструированная экосистема земли (воздух, вода, погода) и не столь ощутимые агенты: орбитальные сверхпроводящие магниты, раскинувшие над планетой защитную сеть, избавляя нас от радиации и бури солнечных частиц, которые, не будь сети, стерилизовали бы поверхность земли, – или растянутый высоко над тропопазузой слой ионов металлов, усиливающий рассеянный свет, – и еще орбитальные небесные зеркала, ваны, сглаживающие разницу местных температур и давлений; уравнение стабильное, но хрупкое. По другую сторону знака равенства – народы земли, местные и иммигранты, их растущие популяции, а также растущие требования, которые они предъявляют миру и его ресурсам. И это уравнение *должно быть в равновесии всегда*, неважно, увеличивается население в арифметической прогрессии, или в геометрической, или по экспоненте, – уравнение должно быть в равновесии всегда (тут Доминик Фронтера для вящей выразительности потыкал в слушателей стволом пистолета, взятого у пилота), и если из уравнения следует, что откуда-то нужно время от времени завозить воду («время от времени» значит примерно раз в десять лет следующие полтысячелетия, «откуда-то» – это о гигатоннах кометного льда, ждущего на задворках Солнечной системы гравитационного толчка), значит, воду завозить – будут.

– В прошлом, – объяснял Доминик Фронтера рядом открытых ртов, – мы били головы комет о поверхность мира абы где: лед, не испарявшийся при вхождении, испарялся при ударе,

а взрыв поднимал такие тучи пыли, что водяной пар формировал облака и выпадал осадками. В самом начале кометы разбивались по три в неделю максимум. Тогда, понятно, падать им было просто не на кого. – Доминик Фронтера вспомнил, что выступает не на уроке географии в средней школе, а перед компашкой тупых фермеров, и разозлился. – Вы ведь знаете, что после начала колонизации подыскивать места для приземления льда становится все труднее, но мы приманиваем комету при любой возможности – более дешевого способа создавать водяной пар пока не придумали. Мы уже выбрали район удара, это Регион Северо-Западного Четвертьшария, в котором экоинженерия начнется по плану через четыре года самое раннее, и если здесь окажется случайный путник, случайный поезд, случайный легкач, им будет велено подобру-поздорову убратся до удара, а после мы придем, починим все сломанные пути, выведем с орбиты орф, и те превратят пустыню в сад. Таков план. И что мы тут видим? Что мы тут видим? – Доминик Фронтера аж привзвизгнул. – Вас. Какого черта вы тут делаете? Здесь даже оазиса быть не должно, а уж города – точно!

Д-р Алимандо встал, чтобы поведать историю о ветродосках и безумных орфах. Доминик Фронтера жестом усадил его обратно.

– Не надо ничего объяснять. Вы ни при чем. Напортачил Сектор Орбитальной Экоинженерии, у какой-то орфы слетело с катушек ПО. Они все чокнутые. Ладно, это не ваша вина, но и сделать я ничего не могу. Комета уже в пути, она летит сюда семьдесят два месяца. Во вторник, шестнадцатого мая, в шестнадцать двадцать четыре она разобьется в тридцати четырех километрах к югу отсюда, и этот городок, и этот оазис разлетятся, как... как... карточный домик. – Рев протеста. Доминик Фронтера поднял руки, прося тишины и спокойствия. – Мне очень жаль. Правда жаль, но я ничего не могу сделать. Отклонить комету нельзя, лететь ей некуда, менять курс слишком поздно. Если бы вы сообщили ну хоть кому-то, что вы здесь живете, чуть раньше, мы успели бы рассчитать другие орбиты. А сейчас – поздненько метаться. Извините.

– А как же Сердце Лотиана? – крикнул Эд Галлачелли.

– Она обещала о нас рассказать, – согласился Умберто.

– Да, она сказала, что сообщит Китай-Горе, – добавил Луи.

– Сердце Лотиана? – переспросил Доминик Фронтера. Его пилот красноречиво пожал плечами.

– Странствующий представитель Отдела Общего Образования, – пояснил д-р Алимандо.

– А. Это другой отдел, – сказал Доминик Фронтера. За бледные попытки оправдаться граждане вознаградили его фунтом презрения.

– Бюрократы бездарные! – заорал Мортон Кинсана. – Административная шваль!

Доминик Фронтера постарался взять ситуацию под контроль.

– Ладно, ладно, я согласен, бюрократы на самом высоком уровне проявили себя бездарно, – проблема не в этом. Проблема в том, что через три дня комета упадет и не оставит от этого городка мокрого места, хотите вы это или нет. В моих силах только одно: вызвать эскадрилью легкачей и всех вас эвакуировать. Не исключено, что когда мы расчистим место удара, вы, если вам здесь так уж нравится, сможете вернуться, но через три дня вас здесь быть не должно – со всеми вашими козами, ламами, свиньями, курами, детьми и всяким там оборудованием. Вопросы есть?

Раэль Манделья вскочил, и следом вскочили все остальные.

– Это наш город, мы его создали, мы его построили, он наш, и мы не дадим его разрушить. Здесь все, что у меня есть, моя жена, мои дети, мой дом, мое хозяйство, и я никуда не поеду и не дам уничтожить все это вашей комете. Это всё вы, инженеры, вы сталкиваете планеты как бильярдные шары, вы наострили эту комету!

Буря аплодисментов. Доминик Фронтера ее пережил.

– Следующий.

Персея Голодранина встала и закричала:

– Здесь мой бизнес, мистер, тот самый, в котором ваш пистолет проделал дырки. Так вот: один бизнес я уже потеряла, спустилась с небес на землю, и второй терять не намерена. Я остаюсь. Ваша комета может лететь куда подальше.

Микал Марголис энергично кивнул и крикнул:

– Верно! Верно!

Затем поднялась Рути Синяя Гора, и вокруг нее снежными завалами создавалось молчание.

– Да? – сказал Доминик Фронтера устало. – Только вопрос, если можно, а не монолог со скамьи подсудимых.

– М-р Фронтера, – сказала простушка Рути, которая из всего фурора поняла только, что ее друзья в опасности, – нельзя делать моим друзьям больно.

– Леди, меньше всего на свете я хочу сделать вашим друзьям больно. Если, однако, они хотят причинить себе боль сами, если здравый смысл не подсказывает им, что нельзя стоять на пути у беды, это совсем другая история.

Рути не поняла ответа представителя РОТЭХа.

– Я не дам вам сделать моим друзьям больно, – глухо пробормотала она. В помещении установилась неловкая тишина, какая обычно предвещает нечто из ряда вон. – Если бы вы любили их так сильно, как я, вы не делали бы им больно. Поэтому я сделаю так, что вы полюбите меня.

С возвышения д-р Алимонтандо заметил сияние на ее лице за долю секунды до того, как Рути Синяя Гора сбросила четыре года аккумулярованной красоты на Доминика Фронтеру. Временный председатель сразу нырнул под временно-председательский столик и закрыл глаза рукой. Доминик Фронтера ничего такого не заметил. Целых тридцать секунд он стоял в свете сверхновой, после чего издал странный клекот и повалился на пол кулем с бобами.

Д-р Алимонтандо взял ситуацию под контроль. Указал на пилота, которого спасли поляризующие контактные линзы.

– Унесите его отсюда в какой-нибудь номер, – приказал он. – Вы двое – покажете, куда нести. – Он велел Персее Голодраниной и Микалу Марголису помочь пилоту отволочь пораженного любовью агента РОТЭХа в комнату, где Доминик Фронтера очухается. Гвалт народа д-р Алимонтандо унял одним взглядом.

– Ну, все вы слышали, что наш друг тут рассказывал, и я ни на секунду не сомневаюсь, что все это правда. Поэтому я приказываю всем и каждому приготовиться к эвакуации. – Народ оцепенел от ужаса. – Спокойно, спокойно. Эвакуация – последнее средство. Ибо я, Алимонтандо, собираюсь спасти этот город! – Он постоял пару минут, принимая овацию аудитории, и выскользнул прочь из трактира спасать мир.

Глава 17

Одну ночь и один день д-р Алимандо исписывал стены погодной комнаты хрономическими символами. Поток логики зародился за три года до того в заднем левом углу кухни д-ра Алимандо, перебрался через гостиную, столовую и холл, вскарабкался по лестнице, сбившись с пути, сделал небольшой крюк в спальнях номер один и номер два, пересек ванную, пробороздил стены туалета, одолел еще один лестничный пролет и достиг погодной комнаты, где зазмеился спиралью по стенам – один круг, второй, третий – выше, выше, пока в центре потолка не осталось пустое место размером с доллар.

Под этим местом сидел, обхватив голову руками, д-р Алимандо. Его плечи дрожали. Дрожали они не от слез, а от злости, монументальной злости на глумливую вселенную, которая, как расфуфыренная танцовщица румбо в опиумном вертепе Белладонны, сбрасывает одежды слой за слоем – только чтобы в момент окончательного оголения погас свет.

Он сказал людям, что спасет их город.

Но не мог этого сделать.

Ему не давалась недостающая перестановка.

Ему не давалась алгебраическая формула, которая уравнивала бы пятнадцать лет исписывания стен на Дороге Запустения, и в Цзинцзян-сожэне, и в Универсиуме Льюкса – и свела бы все это к нулю. Д-р Алимандо знал, что формула существует. Колесо должно вращаться, змей кусает себя за хвост. Д-р Алимандо подозревал, что формула проста, но вывести ее не мог.

Он подвел себя. Он подвел науку. Он подвел людей. Сокрушительнейшая из неудач. Он научился заботиться о своих всей душой; именно такими он их видел – своими, детьми, которых, казалось ему когда-то, он не хочет. Когда они не нуждались в спасении, он их спас. Теперь их нельзя не спасти, а он бессилен.

Когда д-р Алимандо это понял, у него как гора с плеч свалилась. Подобно зверю, что дерется, дерется, дерется до последнего, а потом, в пасти неизбежности, сдается смерти, д-р Алимандо ощутил: злость выходит из него и из его дома, вьется по водосточным провалам в скалах и улетает в Великую Пустыню.

Было 06:06, утро понедельника, шестнадцатое число. Потрескивали газовые лампы, уже бились о стекла насекомые. В восточном окне д-р Алимандо увидел Раэля Манделью, одиноко бредущего по своим утренне-шестичасовым рабочим делам. Эти дела потеряли теперь всякий смысл. Д-р Алимандо должен спуститься с горы и велеть своим людям уходить. Он не желал прощения, хотя они его простили бы. Он желал только понимания. Крепко зажмурившись, д-р Алимандо ощутил дующее из пустыни великое спокойствие, волну безмятежности, шедшую на него, через него. Утренний туман принес аромат растений и сырой, тучной земли, шоколадно-черной, плодородной, как царь Соломон. Будто бы звякнули китайские колокольчики, и д-р Алимандо отвлекся от окон.

Он должен был офонареть, или остолбенеть, или проявить иную человеческую эмоцию удивления, но сидевшее на краю стола зеленое существо казалось естественнее некуда.

– Доброе утро, – сказала зеленое существо. – Видно, мы разминулись на том следующем привале... пять лет назад, да? – Ты плод моего воображения? – спросил д-р Алимандо. – Думаю, что-то в этом роде: архетип, порождение моего сознания в минуту стресса; галлюцинация, вот что ты такое, – символ.

– Да ладно, ты правда хочешь думать, что тебя посещают галлюцинации?

– Я правда не хотел бы думать, что меня посещают живые недоеденные овощи.

– Туше. Может, вот это тебя убедит? – Зеленое существо встало на столе. Откуда-то из невидимых недр оно произвело на свет палочку красного мела и вписало в пространство раз-

мером с долларovou банкноту в центре потолка короткое уравнение на языке символической логики. – Наверное, его-то ты и ищешь. – Зеленое существо проглотило красный мелок. – Питательные вещества, знаешь ли, полезны.

Д-р Алимандо залез на стол и уставился на уравнение.

– Да, – пробормотал он, – да... да... – Взглядом он проследил спираль угольных уравнений на потолке, на стенах, один круг, второй, третий, пополз по полу на четвереньках, все время бормоча: – Да... да... да... – Сошел вниз по лестнице, рассмотрел стены туалета, пересек ванную, сделал крюк в спальнях номер один и номер два, опять спустился по ступенькам, перебрался через холл, столовую и гостиную и вошел в кухню. Наверху, в погодной комнате, сидело на столе зеленое существо и очень самодовольно улыбалось.

Великий вопль триумфа исторгся из глубин дома д-ра Алимандо. Хозяин жилища проследовал путем разума до источника в заднем левом углу кухни.

– Йи-и-их-х-ха-а! Сходится! Ноль! Чистый, прекрасный, круглый, абсолютный ноль! – Когда д-р Алимандо вернулся в погодную комнату, зеленое существо исчезло. На столе валялась кучка сухих листьев.

Глава 18

Временаматыватель Алимандо первой модели смахивал на маленькую швейную машинку в клубке паутины. Он стоял на столе для завтраков д-ра Алимандо и ждал одобрения разработчика.

– Намаялись, пока собирали, – сказал Эд Галлачелли.

– Половину времени мы понятия не имели, что именно делаем, – сказал Раджандра Дас. – Вот, что есть, то есть.

– В сущности, это два синхронизированных соединенных генератора поля, работающих в тандеме, но с переменной подстройкой фазы, – сказал м-р Иерихон, – отчего между не сдвинутыми по фазе полями создается разница во времени.

– Я знаю, как он работает, – сказал д-р Алимандо. – Я его разработал, не правда ли? – Он изучал машину времени с нарастающим наслаждением. – Выглядит внушительно. Скорее бы его испытать.

– Вы хотите сказать, что используете эту штуку на себе? – спросил Раджандра Дас. – Может, попросить кого-то еще?

– Да, конечно, и чем быстрее, тем лучше. Думаю, после обеда.

– Погодите-ка, – сказал м-р Иерихон. – Вы хотите сделать то, что, я думаю, вы хотите сделать, то есть...

– Слетать в прошлое и изменить историю? Конечно. – Д-р Алимандо поигрался с верньерами и тонкой настройкой, временаматыватель вознаграждал его громким жужжанием. – Это всего лишь история, так что когда я ее изменю, все изменится вместе с ней, и никто ничего не узнает. На Дороге Запустения так точно.

– Бог мой. – Это сказал Эд Галлачелли.

– Именно такого эффекта я и добиваюсь, – сказал д-р Алимандо. Ему удалось окружить временаматыватель сияющей голубой сферой. – Разумеется, есть разного рода хронопарадоксы, которые нужно решить, но, думаю, я позаботился обо всем. Главный парадокс таков: если мне все удастся, цель моего путешествия во времени аннулируется; вы ведь понимаете, о чем я, весь процесс замкнется сам на себя, но, полагаю, я должен буду исчезнуть с Дороги Запустения и больше на ней не появляться; будут говорить, что я исчез по какой-то другой причине, допустим, отправился в прошлое, почему нет. Все сходится в одну точку. Кроме того, случится немало межвременных утечек; насчет них не беспокойтесь, в момент прорыва вокруг существенных узлов резонирует темпоральное эхо, вы можете набрести на кусочки альтернативных историй, на наш мир наложатся старые параллельные вселенные, будьте готовы к случайным чудесам. Когда чинишь историю, без значительных выбросов не обойтись.

Пока он говорил, его ловкие пальцы обнаружили панель управления перемещениями во времени – то, что надо. Он отступил от временаматывателя; прибор вздохнул, содрогнулся и в мелькании остаточных образов исчез.

– Куда он делся? – спросили Раджандра Дас и Эд Галлачелли.

– На три часа в будущее, – сказал д-р Алимандо. – Я заберу его в районе обеда. Джентльмены, вы своими глазами видели, что путешествие во времени практически возможно; присоединившись ко мне в тринадцать двадцать, вы поможете осуществить первый пилотируемый полет в историю.

Отобедав сыром и луком-пореем, д-р Алимандо стал планировать вмешательство в историю. Он решил, что начать можно с орфы, завещавшей ему оазис. С того момента – да, все пространство и время к его услугам. Этим вечером, спасая свой город, он может прожить целую жизнь. И это будет отлично прожитая жизнь. Д-р Алимандо подошел к особому шкафчику кухни, открыл его. Внутри сгрудилось снаряжение хронопутешественника-любителя. Он

потратил пять лет и огромную часть кредита, открытого на его имя в Банке Второзакония, чтобы все это приобрести. Поначалу это был досужий каприз, своего рода хобби, какими люди доказывают себе, что их невозможные мечты в конце концов сбудутся; потом, когда почтовые компании Меридиана стали доставлять вещи, каприз потащил мечту за собой, пока не притащил ее сюда, к д-ру Алимантандо, готовящемуся отправиться в другие времена и места не применявшимся ранее способом.

Разгружая шкафчик, д-р Алимантандо улыбался каждому предмету.

Складная одноместная аварийная палатка армейского образца с прокладками двойного уплотнения и подстилкой в комплекте.

Один спальный мешок типа «мумия» армейского образца.

Один прозрачный пластиковый изоляционный костюм; сферический шлем и кислородная маска с дыхательным мешком прилагаются.

Два комплекта чистого нижнего белья, включая кальсоны для холодной погоды. Носки.

Один полный комплект одежды.

Одна полевая кухня армейского образца, разборная, может работать от собственного переносного генератора. Сухие пайки для отчаянных обстоятельств.

Пятьсот долларов наличными.

Солнцезащитная панама и два тюбика такого же крема.

Мешочек с мылом, губка и полотенце.

Зубная щетка и паста (мята кудрявая).

Аптечка, включая антигистамины, морфий и антибиотики широкого спектра действия.

Для использования с вышеупомянутым – одна оловянная набедренная фляга с белладонским бренди.

Одна пара солнечных очков, одна пара песчаных гоглов.

Шарф из чистого шелка в синий огурец.

Один карманный коротковолновый трансивер.

Компас, секстант и инерционный навигатор с приложением карт Геологической Разведки, чтобы д-р Алимантандо мог определить свою позицию на поверхности планеты по выходе из вихревых полей.

Один малый набор инструментов и виниловые заплатки для изоляционного костюма и палатки.

Один пакет таблеток для обеззараживания воды.

Камера, три объектива и двенадцать катушек специальной самопроявляющейся пленки.

Пять блокнотов в кожаных переплетах и одна вечная шариковая ручка с гарантией.

Один запястный ионизационный дозиметр.

Шесть аварийных шоколадок.

Один нож Сил Оборона с лезвиями на все дни года и жестянка с сухими спичками.

Сигнальные ракеты.

Один экземпляр «Собрания сочинений Вочмана Ри в одном томе».

Один переносной трансстабильный мюонный источник питания с многозарядным сифоном для подпитки от любого другого источника питания, кустарного производства.

Один работающий на вышеупомянутом источнике питания кустарный переносной тахионный бластер размером и весом как складной зонт, но такой мощи, что превратит в пар небольшой небоскреб.

Один большой каркасный рюкзак армейского образца, чтобы носить все это с собой.

Д-р Алимантандо начал складывать вещи. Они заняли замечательно мало места. Он бросил взгляд на часы на руке. Почти тринадцать ноль-ноль. Он подошел к кухонному столу и стал отсчитывать секунды вместе с настенными часами.

– Время. – Д-р Алимантандо указал рукой на стол. В каскадах множественных образов временаматыватель прибыл из прошлого. Д-р Алимантандо подобрал его и добавил к снаряжению путешественника во времени. Затем пошел и надел старый, такой поношенный, такой любимый костюм для пустыни; не без труда облачаясь в длинную серую куртку-пустынку, он придумал восемьсот шесть причин никуда не ходить.

Восемьсот шесть «против», одно «за». Просто нельзя не пойти. Он затянул ремни громоздкого рюкзака и закрепил на запястье контрольные верньеры. Вошли м-р Иерихон, Раджандра Дас и Эд Галлачелли, стремительны, уж насколько мог быть стремителен м-р Иерихон.

– Готовы? – спросил м-р Иерихон.

– Можно ли быть готовым к подобному? Слушайте, если у меня получится, вам об этом не узнать, вы поняли?

– Поняли.

– Природа хронодинамики такова, что я изменю всю историю, а вы никогда не узнаете, что вам грозила опасность, потому что опасности не было и не будет. С объективной точки зрения, моей точки зрения, поскольку я вне времени, вселенная, точнее, данная субъективная мировая линия сместится и станет новой мировой линией. Я постараюсь, если смогу, оставить записку о проделанной работе – где-нибудь в прошлом.

– Слишком много слов, док, – сказал Раджандра Дас. – Приступайте. Вы же не хотите опоздать.

Д-р Алимантандо улыбнулся. Попрощавшись с каждым по очереди, он выдал им одну свою аварийную шоколадку. Предупредил, что съесть ее надо быстро, прежде, чем эту минуту сотрет какая-либо транстемпоральная аномалия. Пощелкал переключателями на запястном пульте управления. Временаматыватель зажужжал.

– Напоследок: если все получится, я не вернусь. Там есть много такого, что я хочу пови-
дать. Но время от времени я могу вас навещать; ждите и не давайте никому сидеть на моем стуле.

А м-ру Иерихону он сказал:

– Я с самого начала знал, кто вы такой. Мне абсолютно все равно, прошлое есть прошлое, пусть я от него и без ума. Смешно. Берегите моих людей – ради меня. Ладно. Мне пора. – Он нажал на красную кнопку на запястном пульте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.